

Наталья Солнцева

Натюрморт с серебряной вазой

Глория и другие

Наталья Солнцева

Натюрморт с серебряной вазой

«АСТ»

2013

Солнцева Н. А.

Натюрморт с серебряной вазой / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2013 — (Глория и другие)

ISBN 978-5-17-078971-9

В каждом человеке живет бунтарский дух романтика и кладоискателя. Может поэтому время от времени мы начинаем мечтать о кладах и сокровищах? А уж если у тебя есть яхта, карта и деньги, чтобы нанять дайверов для поиска сокровищ... так тут и сам Бог велел... А скорей черт... Наверное, черт дернул успешного бизнесмена Максима Сергеевича Ордынцева увлечься поиском морских сокровищ. И даже странная находка старинной вазы, из которой выпала табличка с предупреждением о смерти, не остановила его. А смерть уже взобралась на палубу его яхты и уютненько расположилась в шезлонге в ожидании жертвы. Именно ее и разглядела Глория, приехавшая отдохнуть со своим другом на море. Она-то прекрасно понимает, что не надо искать дно в бездонном сундуке, сокровища на дне океана, а счастье в объятиях Джинна. Только как убедить людей остановиться в своем смертельном беге за иллюзиями?! Посмотрите видеоролик о новой книге «Натюрморт с серебряной вазой»

ISBN 978-5-17-078971-9

© Солнцева Н. А., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Солнцева

Натюрморт с серебряной вазой

© Солнцева Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

*С любовью, ваша
Наталья Солнцева*

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Темны закоулки души...

Лучше туда не заглядывать. Но уж если заглянул, будь готов встретиться с любой причудой или кошмаром.

Темные дела не любят света. Они предпочитают тишину, сумерки и укромность. Где посторонний взгляд или постороннее ухо не могут нарушить их зловещую тайну.

Двое негромко разговаривали под покровом тенистого дерева. На небо вышла луна, посе-ребрила листву и песчаную тропинку, петляющую в траве.

– Вот, держите... – произнес первый голос.

Второй голос – более низкий и грубоватый – спросил:

– Что там?

– Потом посмотрите. Я тороплюсь...

– Ладно, давайте. Потом так потом.

– Вот деньги.

Бумажный сверток, извлеченный из кармана легкого плаща, переключал из одних рук в другие.

– Здесь половина суммы, – пояснил первый голос. – Сделаете все, как договорились, получите остальное. Не вздумайте обмануть меня! Я проверю.

– Не сомневайтесь, – обиженно протянул второй. – Мне обманывать не резон. Я дорожу доверием клиентов.

– Надеюсь...

– Дельце-то ваше больно щекотливое.

– Зато простое. И оплата соответствует. Или вам мало?

– Нет... нет! Достаточно. Это ведь только аванс.

– Разумеется, – недовольно бросил первый. – Когда ждать результата?

– То, что зависит от меня, будет исполнено завтра же. Погоду обещают хорошую, безветренную. Думаю, ничего непредвиденного не случится.

– Но вы понимаете, что мне необходимо убедиться в исполнении. А это потребует времени.

– Сколько? – насторожился второй голос.

– Как карта ляжет...

– А если все сорвется не по моей вине?

– Не сорвется!

– В жизни всякое бывает...

В кустах у тропинки раздалась приглушенная возня, и голоса смолкли.

– Там кто-то есть! – после долгой паузы прошептал первый голос. – Нас подслушивают!

– Это суслики... или мыши. У вас будут еще какие-нибудь пожелания, уточнения?

– Нет. Мы все обсудили. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Надеюсь, вы справитесь.

Они постояли минуту, прислушиваясь к шорохам и заунывному пению сверчков, приглядываясь к очертаниям черных теней.

– Никого здесь нет, – успокоительно произнес грубоватый голос. – Можно расходиться.

– Тогда до встречи... – небрежно бросил первый.

Один из собеседников повернулся и зашагал по тропинке к видневшейся в лунном свете аллее. Другой постоял немного, задумавшись, и медленно двинулся в противоположную сторону.

Они не подозревали, что пару минут назад заключили сделку со смертью и с этого мгновения жить им оставалось считанные дни...

* * *

Глория шла по самому краю обрыва, часто останавливаясь, как будто искала какое-то только ей известное место. Лавров, отдуваясь, тащился сзади. Ему было жарко. Солнце палило нещадно, несмотря на то, что до полудня еще было далеко.

– Ну и пекло! – недовольно буркнул он.

– Надо было надеть панаму, – не оборачиваясь, заметила Глория.

Сама она оделась подобающим образом – в легкие льняные брюки, блузку с длинными рукавами, широкополую шляпу – и чувствовала себя прекрасно. Зато Лавров в одних белых фасонистых шортах изнывал от жары, понимая, что солнечные ожоги ему обеспечены.

Внизу обрыва плескалось море. Волны накатывали на берег, оставляя на песке клочья пены. Спуск был слишком крутым, а узкую полосу суши непрерывно лизал прибой.

– Ты хочешь спуститься к воде? – уныло спросил Лавров.

Перспектива загорать на мокром песке без шезлонга или хотя бы надувного матраца не привлекала его.

– Какой загар? – поймала его мысли Глория. – Мы вчера приехали, нам нельзя перегреваться.

– По-моему, я уже горю.

– Всею виной твое упрямство, – не дала себя разжалобить она. – Не послушался моего совета – терпи.

Лавров терпел. Он не ожидал, что с раннего утра здесь уже печет. Это все-таки не Африка... и не Турция. Черт! Кожа будет слезать лоскутами. Паршиво в первый же день обгореть и испортить себе отпуск. Хорошо, что он захватил с собой средство от ожогов.

Спутница снова угадала его мысли.

– Привык отдыхать если не в Тунисе, то в Египте... вот и забыл, какой у нас на юге климат.

– Забыл, – покаянно признал он. – Я вообще-то ненавижу поджариваться на пляже до «аппетитной» корочки. Или тупо плавать до буйка и обратно.

– Зачем же тогда летаешь к морю?

– Я нырять люблю.

– С маской и ластами?

– С аквалангом.

– Ах, да! – язвительно усмехнулась Глория. – Ты у нас дайвер со стажем! Я запомнила.

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – разозлился Лавров. – Дайвинг...

– ...нынче в моде! – подхватила она и рассмеялась.

– Кстати, стоит попробовать, – подавив вспышку раздражения, предложил он. – Очень интересно. Под водой красиво... особенно в Красном море. Можно увидеть кораллы и разных рыбешек. В Черном видимость похуже, но тоже ничего.

– Неужели у тебя есть сертификат?

– Конечно, есть. Я погружался больше двадцати раз.

– Поразительно! Оказывается, я не все о тебе знаю.

– Это легко исправить.

– Надеешься отыскать затонувший испанский галеон с грузом сокровищ?

– Вовсе нет. Я не кладоискатель, если ты успела заметить. Но поднять со дна обломок древней амфоры – настоящий кайф.

– Так за чем же дело стало? По-моему, дайв-клубы есть повсюду. Бери оборудование напрокат, нанимай инструктора и ныряй сколько влезет.

– А ты будешь в это время скучать?

– Я найду себе занятие...

Лавров насупился. Какое «занятие» она имеет в виду? Флирт с местными богатеями? Впрочем, у них свой круг. Да и отдыхают они по большей части в других местах. Это Глорию вдруг понесло в захолустную Тамань. Интересно зачем?

Он не осмеливался задать ей этот вопрос, радуясь хотя бы тому, что она разрешила ему сопровождать себя. Могла уехать и даже ручкой не помахать. А тут заранее вызвала его в свою резиденцию в Черном Логе и предложила провести отпуск вместе. Лавров задохнулся от счастья, а потом сообразил, что Колбин вряд ли его отпустит. Глории-то все равно – она Колбину не подчиняется. Она – совладелица бизнеса. А Лавров служит у них в компании начальником охраны.

Глория глазом не моргнула, когда он высказал ей свои опасения: «Я человек подневольный...»

«Ты мне нужен, – решительно заявила она. – Разве не твоя обязанность охранять меня на отдыхе?»

«Моя, но...»

«Никаких «но». Ты едешь или нет?»

«Разумеется, еду!»

Мог ли он ответить иначе? В конце концов, Колбин не имеет права его уволить без согласия Глории. А если уволит... плевать! Что он, работы себе не найдет?

«Станешь моим помощником на окладе с премиальными, – улыбалась она. – Премиальные – в зависимости от гонорара, который платит клиент».

Клиенты платили ей щедро. В этом Лавров имел повод убедиться, помогая Глории в расследовании запутанных преступлений. Он уже успел обвыкнуться в роли частного сыщика. Как бывший опер он отлично знал, с чего начинать и как собирать информацию. Но выводы – причем совершенно парадоксальные – делала Глория.

Иногда Лаврову казалось, что она обошлась бы и без него. А вот он уже не представлял себе жизни без нее. Он бы согласился на что угодно, исполнил бы любую ее прихоть. Он попал в зависимость от Глории. Эта зависимость тяготила его, но освободиться от нее он не помышлял.

Любовь ли это? Страсть ли? Колдовство? Наваждение? Лавров не задумывался. Они плыли в одной лодке, и он принимал это как нечто данное ему свыше.

– Вот! – воскликнула Глория, останавливаясь.

Он, увлекшись и глядя себе под ноги, наткнулся на нее и невольно обнял. Они, покачиваясь, замерли на обрыве.

– Вот! – повторила она, указывая в морскую синеву и солнечный блеск. – Это здесь...

– Что «здесь»? – не понял Лавров, щурясь.

– Здесь она высматривала своего Янко...

Начальник охраны смешался. У него болела голова, плечи жгло огнем. Ему было не до размышлений. Он желал бы поскорее укрыться в спасительной тени и выпить чего-нибудь холоденького. Лучше пива... но на крайний случай сошла бы и минералка. С кусочками восхитительного льда, с ломтиком лимона...

– Та девушка... из лермонтовской «Тамани»...

– Из... чего? – с натугой соображал Лавров, которого мучили зной и жажда.

– Из «Тамани».

Ах, вот оно что! Глория взяла с собой в дорогу томик Лермонтова, но не прикасалась к книге, пока они не сняли дом с видом на море на самой окраине Тамани. Вчера после душа и скромного ужина она погрузилась в чтение.

В ее возрасте читать Лермонтова? Мило и старомодно. Лаврову казалось, что она ничем уже не может удивить его. А она удивляла...

Домик из трех комнат и кухни, с двумя санузлами и открытой террасой был уютным и сносно обставленным. Хозяйка согласилась сдать его приезжим москвичам за десять тысяч рублей в день. Глория не торговалась.

«Я заплачу за нас обоих, – тоном, не терпящим возражений, заявила она своему спутнику. – Ты со мной, Рома!»

Лавров смутился.

«Мне неприятно, когда за меня платит женщина, – пробормотал он. – В какое положение ты меня ставишь?»

«Ты на работе, милый! – отрезала она. – Изволь подчиняться».

Во дворе дома нашлось место для парковки. Лавров загнал новый «Фольксваген-Туарег» за забор и полез в багажник за сумками.

Глория быстро разложила вещи и убрала в холодильник купленные по пути продукты.

Лаврова постигло жестокое разочарование после ее слов: «Ты будешь спать в гостиной, а я займу спальню». Однако он слишком устал, чтобы спорить.

Этим закончился вчерашний вечер.

Наутро Лавров с трудом проснулся. Он встал и босиком прошел в спальню. В открытое окно лился сладкий южный воздух. На прикроватной тумбочке лежала книга в синем переплете.

Глория уже плескалась в ванной. Оттуда доносились ее мурлыканье и шум воды. Что она напевала? «Белеет па-а-рус одинокий... в тумане мо-оря го-о-олубом...»

С ума сойти!

Лавров вернулся в спальню и, движимый бесцельным любопытством, заглянул на страницы, заложенные закладкой. Прочитал: «Журнал Печорина... Тамань... Хм!»

После завтрака Глория потащила его на прогулку. Очевидно, вчерашнее чтение каким-то образом повлияло на нее.

– Здесь... – твердила она, вертя головой по сторонам. – Где-то поблизости стояла *та самая хижина*...

Лавров наклонился, сорвал лист лопуха и держал над головой, как зонтик. Ему было невозможно рассуждать о сущей ерунде под палящим солнцем. Во рту пересохло, на зубах скрипела желтая пыль. Очень хотелось пить.

Вдруг Глория с нетерпеливым возгласом указала вниз на кромку прибоа.

– Вон там... видишь?

Начальник охраны, проклиная женский эгоизм, добросовестно пытался проследить за ее жестом. У воды двигалась фигурка ребенка. Похоже, черный от загара мальчишка торопился куда-то.

– Это слепой... – вырвалось у Глории.

– С чего ты взяла? По-моему, он довольно быстро шагает для слепого. Не спотыкается...

– Ему просто хорошо знакома дорога. Дай сюда бинокль! – скомандовала она.

– Я оставил его дома.

Глория огорченно покачала головой, а Лавров сердито подумал: «Не хватало, чтобы еще раскаленный бинокль болтался у меня на шее!»

Глава 2

Москва

Это был странный и страшный человек. Его звали Иммануил Людвигович Раметов. Сложно произнести даже на трезвую голову, да? А если еще выпить для храбрости, то язык точно заплетется. Тогда Раметов разгневается. Его жутко бесит, когда кто-нибудь ошибается в произнесении сих «священных слов». При этом лицо Раметова бледнеет, глаза наливаются кровью, а рот кривится на сторону. Кажется, еще чуть-чуть, и в уголках его губ начнет пузыриться пена, как у припадочного.

Должно быть, во избежание припадка Раметов требует, дабы все обращались к нему исключительно по фамилии. Господин такой-то. Что ж, весьма разумно.

Магазин «Раритет», которым владел Раметов, находился в старом доме на улице Бахрушина. Этот магазин был под стать хозяину. Довольно мрачное помещение с добротными витринами вдоль стен, с гулкой тишиной, где каждый шелест и шорох многократно подхватывался и усиливался эхом. Обветшалая лепнина на потолке, пыльный хрусталь люстр, массивные багеты, обрамляющие сцены из давно минувшей жизни, колокольчик у двери, возвещающий о долгожданном посетителе.

По правде сказать, покупатели в «Раритет» заглядывали редко. Тем более удивляло полное равнодушие хозяина к сему досадному факту. Он словно не нуждался ни в сбыте своего залежалого товара, ни в деньгах. Вход в магазин и тот располагался не с фасада, а с обратной стороны здания. Чтобы попасть в «Раритет», нужно было зайти во двор – о чем ничто не сообщало. Хозяин не позаботился о самой примитивной вывеске. Разве не удивительно, что господин Раметов не стеснялся в средствах, ездил на приличной машине и одевался со своеобразным щегольством?

Виктора поразила его внешность и манера одеваться. Перед ним стоял коренастый мужичок – явно не голубых кровей, – с брюшком, с нарочито выпяченной грудью и гордо посаженной головой. Волосы его курчавились, и в них не проблескивала седина. Хотя Раметову можно было дать не меньше чем лет пятьдесят. Гладко выбритые щеки чуть свисали, а нос и нижняя часть лица были по-бульдожьи приплюснуты.

Если бы не круглые темные глазки, от которых оторопь брала, то хозяин «Раритета» смахивал бы на собаку. Но у собак глаза другие – даже у злых. А Раметов смотрел с хищной и хладнокровной дикостью. От такого пощады не жди.

Когда Виктор впервые отворил дверь магазина и очутился тет-а-тет с Раметовым, тот холодно усмехнулся, поправил белоснежное кружевное жабо и хрипло осведомился: «Чем могу служить-с?»

Между тем весь его вид говорил об обратном. Служить сей господин никому не собирався, а напротив, норовил этак все устроить, чтобы прислуживали ему.

Виктор пришел наниматься на работу, о чем робко сообщил Раметову, ежась под пристальными глазами-буравчиками.

– Кем же вы желаете у меня работать? – удивился хозяин магазина. – Продавцом? Так я сам справляюсь. Покупателей, как изволите видеть, не густо. В очередь не выстраиваются. Уборщиком? Так у меня уже есть кому порядок наводить. Из соседнего супермаркета барышня подрядилась. Я ею доволен. Она мной, надеюсь, тоже.

Его рот дернулся, как при нервном тике, а руки Раметов убрал за спину и перекатывался с носка на пятку... с пятки на носок.

Виктор опустил взгляд на его ступни и чуть не присвистнул. Туфли у хозяина были отменные, из мягкой кожи и с пряжками. Пряжки небось кучу бабла стоят – Виктор в этом понимал.

Он сам имел слабость к хорошей обуви. Пряжки сразу ему в глаза бросились. Диковинные пряжки, как пить дать изготовленные по индивидуальному заказу... с камнями Сваровски. То, что Раметов – оригинал, у него не отнимешь.

Хозяин магазина заметил неподдельное восхищение молодого человека и смягчился.

– Ну-кошь... показывай, что умеешь, – сказал он, усмехаясь. – Надоело мне одному из угла в угол шататься. Толковый помощник не помешает. В антиквариате шарить?

Теперь он поразил Виктора своим жаргоном. Минуту назад изъяснялся не хуже учителя словесности, а теперь шпарит как уличная шпана. Интересный человек Раметов.

– Ты че, в рот воды набрал? Мне немые без надобности.

Виктор спохватился, очнулся. Давай себя расхваливать. Мол, в антиквариате он хотя и не знаток, но все схватывает на лету и быстро обучится. И с компьютером на «ты». И с людьми общаться привык, знает, как их увлечь, как правильно предложить товар...

Раметов слушал со скептической гримасой на лице. В его глазах читался вопрос: что же ты, молодец, при таких талантах да без работы? Ежели все сказанное правда, тебя всюду с руками оторвут, а ты пришел в частную лавочку себя предлагать. Без перспектив. Без большой зарплаты.

– У меня, мил человек, карьеру не сделаешь, – лениво произнес Раметов. – И капиталом не обзаведешься. Место тут тихое, неприметное. Рекламы опять же никакой. Продажи ничтожные. Выручка смешная.

– Я знаю, знаю! – закивал претендент. – Устал я от суеты, от текучки. Душа покоя просит. Не все в жизни деньгами мерится.

– Душа-а? – с неприятной язвительностью протянул хозяин. – Ну-ну... тут ты прав, парень. Душу ублажить надобно. Всенепременно.

В его глазах прыгали бесы, и Виктор поспешно потупился. Вдруг показалось, выпрыгнет бес от Раметова и к нему перекинется. Аж пот прошиб, и рука дернулась совершить крестное знамение. Но удержался, не выдал своего страха. А хозяин магазина как будто ничего не заметил, продолжая разглагольствовать:

– Реклама, милоч, дело тонкое... не всегда от нее та польза, которая требуется.

– Да, да, – кивал Виктор. – Так вы меня берете?

– Кем-с?

– Охранником! – выпалил проситель. – У вас, я вижу, ни видеокамер, ни толковой сигнализации нет.

– У меня в магазине красть-то нечего, – рассмеялся Раметов. И смех его был похож на собачий лай. Не «ха-ха-ха!», а «хау-хау-хау!».

У Виктора – мурашки по коже. Зато Раметов с видимым удовольствием добавил, указывая на витрины:

– Старье одно... бросовые вещи. К счастью, находятся охотники, берут. За что я обожаю людей, так это за... – Он осекся и внимательно взглянул на просителя. – Впрочем, тебе рано знать. Поработаешь с мое – сам поймешь, что почем. И запомни: на всякий товар есть купец.

С этими словами Раметов повернулся и, не вынимая рук из-за спины, обошел по периметру свой неказистый торговый зал.

– Что ты собираешься охранять? – покосился он на Виктора.

– Все...

– Хороший ответ. Ну, все так все. Приступай.

– Как? – растерялся молодой человек. – Прямо сейчас?

Раметов казался ему мошенником, который выдает себя за продавца третьесортного антиквариата. Авантюристом, который за официальной деятельностью скрывает нечто преступное, тайное. Но что он может скрывать? Торговлю наркотиками? Подпольный притон? Игрный зал, где на кон ставят не деньги, а человеческую жизнь?

- Ты, чай, передумал...
- Нет-нет! – испугался Виктор. Своим замешательством он чуть не испортил произведенное впечатление. – Я согласен! Затем и пришел.
- Оружие есть?
- О-оружие?
- Чем ты будешь обороняться в случае налета? – хитро прищурился Раметов.
- У-у меня есть лицензия на травматический пистолет...
- Он у тебя с собой?
- Нет... но... завтра я его возьму.
- Отлично!

Хозяин магазина щелкнул пальцами и повернулся на каблуках с легкостью, неожиданной для его упитанного тела.

- Тогда я пошел?
- Куда? – не понял Виктор.
- В подсобку. Подсчитывать убытки...

Новоиспеченный сотрудник не успел перевести дух, как Раметов, не дойдя до двери в подсобное помещение, повернулся и обратился к нему с вопросом: не против ли тот выполнять мелкие поручения, буде возникнет необходимость.

- Я... готов... – неуверенно ответил Виктор.
- Вот и славно! – обрадовался хозяин. – Будешь на подхвате!

С тех пор минуло две недели. За это время охранник заметил за Раметовым еще больше странностей, чем при первом знакомстве...

* * *

Тамань

Белая яхта с романтическим названием «Ассоль» покачивалась на волнах.

На палубе, развалившись в матерчатом кресле, отдыхала стройная блондинка. Изнуренная диетами и фитнесом, но не утратившая задора. Она лениво потянулась за стаканом... и выругалась. Лед растаял, а разбавленная вермутом вода успела нагреться.

– Черт!.. Стас! – сердито позвала она парня, который возился с аквалангами. – Принеси льду!

– Сейчас сбегая...

«Ассоль» стояла на якоре вблизи буйков, которыми «подводные археологи» обозначили место для погружений. По их сведениям, в этом месте когда-то затонуло торговое судно с грузом товаров.

– Боспор Киммерийский! – воскликнул второй дайвер, который, опершись о перила, любовался морем.

– Чего-о? – протянула блондинка.

Дайвер обернулся, показал рукой вдаль и пояснил:

– Так раньше называли Керченский пролив. Таманский полуостров когда-то был группой островов. На одном из них греки построили город Фанагорию. Не исключено, что искомое судно следовало именно туда, – подытожил он.

Блондинка старательно наносила на кожу крем для загара. Тема разговора трогала ее постольку, поскольку это относилось к сфере интересов хозяина яхты господина Ордынцева. Он надеялся насобирать на дне пролива античных черепков, а если повезет, то и монет, чтобы потом хвалиться своим «уловом» перед такими же повернутыми на подводных кладах приятелями.

– По-моему, это перебор, – заметил Стас, который принес ведро со льдом. – Ты не перестарайся с загаром?

– Он быстро сходит... Спасибо! – милостиво кивнула она. – Хотите выпить?

Оба дайвера отказались. Их занимало предстоящее погружение, а не выпивка. С этим на яхте строго. Пьяным под воду нельзя, во избежание несчастного случая.

– Ты бы тоже завязывала, Руслана, – посоветовал блондинке Стас.

– Это вода!

Он укоризненно взглянул на опустошенную бутылку вермута и покачал головой.

– Ну и что? – взвилась Руслана. – Я не намерена сегодня нырять! У меня уши болят!

– Надо продуваться¹.

– Я не умею, – раздраженно парировала она. – Меня некому научить. Все такие занятые, просто тошнит от вас!

– Ты до сих пор не научил ее продуваться? – упрекнул Стас товарища.

– Ему некогда, – поджала губы блондинка. – Он созерцает морской пейзаж. Или ты в воду заглядываешь, Антоша? Надеешься первым увидеть блеск золота?

Антон проигнорировал ее выпад и показал в сторону лиловой полосы на горизонте:

– Между прочим, отсюда чудесный вид на берег Крыма...

– Ах-ах!

Руслана была не в духе, разговор не клеился, и дайверы решили вернуться к своим делам. Стас взялся за снаряжение, Антон принялся ему помогать.

Блондинка дремала на солнышке. С моря дул ветер, овеивая ее прохладой. Вдалеке, вздымая белый гребень воды, мчался катер. Приблизившись к яхте, он сбавил ход, потом резко развернулся и скрылся из глаз.

Дайверы негромко переговаривались.

– Чего ему надо?

– Да просто катается чувак, – обронил Стас. – На яхту пялится. Красивая яхта! Хозяин за нее небось кругленькую сумму отвалил.

– Зато своя. Теперь есть откуда нырять.

– По-моему, нас ждет облом, – заявил Антон, проверяя трубки. – С чего вдруг решили здесь искать?

– Ордынцев где-то карту раздобыл... типа с отметками мест гибели кораблей. Сейчас многие в кладоискательство ударились. А разные аферисты на них зарабатывают. Втюхивают фальшивку вместо настоящей карты и руки потирают.

– Ордынцев мужик умный...

– И не таких обманывали.

– Земля золото отдавать не хочет, а вода и подавно, – вздохнул Антон. – Здесь не Красное море, где каждый камешек, каждая ракушка на дне видны. Если и затонул торговый корабль, то за столько лет давно в ил ушел. И груз на одном месте лежать не будет. Его по-любому может либо течением отнести, либо...

Он замолчал, что-то обдумывая.

– Ну да, может, – подтвердил разомлевший от жары Стас.

– Когда судно терпит крушение, оно же не сразу тонет... его шторм кидает из стороны в сторону. Содержимое трюма и ящиков оказывается разбросанным порой на приличное расстояние.

Стас покосился на дремлющую блондинку и понизил голос:

¹ Продувка – специальный термин, обозначающий выравнивание давления в слуховом аппарате как наиболее чувствительном при погружении под воду.

– Нам-то какое дело? Хозяин башляет, мы трудимся. Сочетаем приятное с полезным. Погружаемся, да еще и денежки получаем за это. Плохо ли?

– Хорошо... – лениво отозвался Антон.

– Ты как будто недоволен?

– Если бы нам поручили баржу немецкую найти или самолет, было бы проще. Их тут видимо-невидимо. В войну в проливе тонули и транспорты с оружием, и десантные катера. Только это все ближе к берегам Крыма.

– Там пограницы бдят.

– С ними можно договориться. Мой приятель погружался с группой украинских дайверов, видел на дне «Мессершмитт»: немецкий истребитель с отломанным носом. Даже пару крупнокалиберных патронов подобрал возле него.

– От авиационного пулемета? – оживился Стас.

– Угу. А про золото я ничего не слышал.

– Да хрен с ним, с золотом. Я бы на «Мессер» поглядел! Кабина уцелела?

– Говорят, да. Но без летчика. Видимо, ему удалось спастись.

– Или рыбы съели, – усмехнулся Стас.

– Далось им это золото! – с сердцем произнес Антон.

– Кому это «им»?

– Ордынцеву и его девахе...

– Тихо ты! – поднес палец к губам Стас и перешел на шепот: – Руслана – барышня злопамятная. Если кого невзлюбит – прости прощай.

– Плевать!

– Драная кошка, – шепнул Стас. – Что Ордынцев в ней нашел? У него, между прочим, жена есть.

– И где она?

– Дома... в Москве. Он ей наверняка наплел с три короба... про деловую командировку. А сам милуется тут с Русланой.

Блондинка в кресле не пошевелилась. Она не могла слышать, о чем шепчутся дайверы, – плеск моря и крики слетевшихся чаек заглушили бы и более громкий разговор. Однако Стас предпочел не рисковать. Зачем ему портить отношения с Ордынцевым?

– Зато Смолякова – знаменитость, – возразил Антон.

– Да ладно... Ведет на ТВ дурацкое шоу, а Ордынцев от нее без ума.

Антон считал зазорным обсуждать женщин и деликатно повернул разговор в деловое русло, показав на акваланги, ласты и гидрокостюмы:

– Ну что, готово? Время идет. Погружаться надо до полудня, пока видимость хорошая. Потом уже не то.

Стас мечтательно произнес:

– Я ночной дайв люблю! Плынешь вдоль рифа, светишь фонарем... а из темноты смотрит кто-то. Ты на нее, она на тебя...

– Морская дева, что ли? Русалка?

– Сам ты русалка. Рыба! Здесь гротов полно, пещер подводных и живности...

Глава 3

Лавров ворочался в постели до рассвета. Сна ни в одном глазу. Обгоревшие плечи и шея саднили, из головы не шли слова Глории о слепом мальчишке. Откуда она узнала? Придумала на ходу? Впрочем, он уже не раз убеждался в ее правоте. Глория зря не скажет. У нее – дар!

Лермонтов... «Журнал Печорина». Лавров напрягся, припоминая школьную программу. Читал или не читал? Скорее всего, пробежал глазами – наспех, торопясь на футбольное поле или в секцию самбо. Литература – для девчонок, а настоящий мужчина должен уметь постоять за себя. Ему не за книжками сидеть надо, а мускулы накачивать.

В комнате гудел кондиционер, пахло чужим жилищем. Каждый дом имеет свой запах и свои звуки. За окном глухо шумело море.

Когда стало нетерпез лежать, прислушиваясь к ночным шорохам, Лавров поднялся и босиком отправился в кухню. Там он оставил «Пантенол», которым лечил обожженную солнцем кожу. Побрызгал на больные места белой пеной, осторожно растер пальцами и подождал, пока впитается. Жжение утихло.

В кухне кондиционера не было, и Лавров распахнул оконные створки, впуская шепот прибоя и шелест сада. В траве пели цикады. Сладкий южный воздух щекотал ноздри.

Лавров дышал, думая о Глории. Она так и не подпустит его к себе? Будет держать на коротком поводке, дразнить... измучает, а потом обвинит в нерешительности. Мол, сам виноват. Не умеет пользоваться моментом. А как пользоваться, если хозяйка положения – она, а не он?

Лавров сжал зубы до боли, до скрипа.

Над морем стояла большая красная луна. В Москве ему такой луны видеть не приходилось. Звезды померкли рядом с ней, потерялись. Этот красноватый лунный свет растревлял сердце, смущал душу.

Вдруг во дворе захрустел гравий, у забора мелькнул чей-то силуэт. Роман напрягся. Он легко, бесшумно перемахнул через подоконник и попал в объятия теплой июльской ночи. Огляделся. Никого...

Лавров замер, отступив в тень раскидистой смоковницы. Так прошло минуты две-три. Вдруг раздался треск сухой ветки. Крак!.. Послышалось, как кто-то сопит и будто бы лезет вверх по дереву. То, чего наблюдатель не видел, услужливо дорисовывало его воображение.

Затаив дыхание, Роман двинулся на звуки. Воображение его не подвело: по корявому стволу старой яблони карабкалась облитая лунным сиянием маленькая фигурка. Яблоня росла у самого забора, и таким путем можно было без труда как проникнуть во двор, так и выбраться на улицу.

«Карлик! – похолодел Лавров. – Проклятый Агафон!² Вернее, его призрак. Неужели он явился сюда за Глорией? Она оставила его одного, впервые со времени покупки дома в Черном Логе. И тот не стерпел... отправился за ней. Он преследует ее!»

Как справляться с обычным преследователем, Лаврову было известно. Но перед призраком он терялся. Обращаться с потусторонними силами бывшего опера не научили.

Между тем «карлик» поднялся по стволу, встал на забор, сложенный из блоков ракушечника, и с невероятной ловкостью зашагал по узкому верху, словно гимнаст по бревну. Лаврову хотелось протереть глаза.

«Чур меня! Чур! Чур!.. – одними губами вымолвил он. – Прочь, нечистый! Рассыпсья!..»

Однако фигурка как ни в чем не бывало продолжала двигаться по забору. Роман завороженно наблюдал за ней. «Карлик», очевидно, прекрасно ориентировался в незнакомом

² Подробнее читайте об этом в предыдущих романах Натальи Солнцевой из серии «Глория и другие».

месте. За забором росли акации. Он воспользовался ближайшей, чтобы уцепиться за ветки и соскользнуть вниз.

Лавров перестал его видеть и метнулся к калитке. Кем бы ни являлся незваный посетитель – хоть самым бесом! – он выведет его на чистую воду.

Калитка открывалась изнутри нажатием кнопки замка и, вопреки опасениям, не скрипнула. Лавров вышел на улицу. Дорога блестела в лунном свете. Акации отбрасывали на ленту асфальта причудливые тени. За шоссе тянулась полоса кустарника, которая оканчивалась обрывистым берегом. «Карлик» будто сквозь землю провалился.

Роман шепотом выругался и, держась в тени деревьев, двинулся вперед. Следующим на улице стоял побеленный домик хозяев, у которых они с Глорией сняли жилье. Хозяева жили куда скромнее, чем отдыхающие. Впрочем, это не редкость для приморских селений. Люди целый год кормятся тем, что зарабатывают за летний сезон.

Лавров постоял, заглядывая за приземистый заборчик из того же ракушечника, что и большинство здешних строений. Во двореке виднелась будка, рядом с которой спал лохматый беспородный пес. Сунешься – дворняга такой лай поднимет, что мало не покажется.

Если призрак существовал наяву, а не являлся плодом перегретого накануне мозга начальника охраны, то он исполнил пожелание последнего и... рассыпался.

Лавров плюнул с досады и побрел назад. Калитка захлопнулась, пока он пытался догнать ночного гостя. Пришлось повторить путь «карлика» и лезть, чертыхаясь, сначала на акацию, потом спускаться вниз по яблоне. Прыгать было высоковато, не хотелось вдобавок к ожогам еще и ногу подвернуть.

– Черт...

К ладоням и голым коленкам прилипли кусочки сухой коры. Отряхиваясь, Лавров наклонился, а когда поднял голову, обомлел.

В саду гуляла... русалка! Волосы ее были распущены, стройное тело соблазнительно белело в темноте...

* * *

Этой ночью на яхте «Ассоль» тоже не спали.

Ордынцев разглядывал поднятые со дна залива находки: обросшую ракушками медную плочку и глиняные черепки. Он сидел за столом в своей комфортабельной каюте и наслаждался морской прохладой.

В соседней каюте отдыхала Руслана. Ордынцев понимал, что она ждет его, обижается, но идти не хотелось. Подводная добыча заглушала желание секса. Черепки казались ему куда интереснее пылких объятий любовницы. К тому же время от времени Ордынцева грызла вина перед женой. Он обманывал Ирину уже почти год. Делить себя между двумя женщинами оказалось не просто. Каждая из них требовала к себе внимания. Руслана начала намекать на развод, но Ордынцев пока не был готов к полному разрыву с женой.

С тяжелым вздохом он взял в руки очередной черепок. Археолог, с которым его свел сведущий человек, продал не «туфту», как считали дайверы, а нормальную карту. По крайней мере в указанном на карте месте действительно удалось обнаружить остатки деревянного остова корабля. Установить его возраст и культурную принадлежность не представлялось возможным, зато вокруг в слое ила покоились разбитые при крушении сосуды для перевозки вина, оливкового масла и зерна.

Археолог поведал Ордынцеву, что Боспорское царство вело оживленную торговлю как с ближними соседями, так и с дальними государствами и что если постараться, то на дне можно отыскать древние монеты и ценные артефакты. Правда, не уточнил, какие именно.

Ордынцев – новичок в дайвинге – нанял себе в помощь двух аквалангистов и в технических вопросах положился на них. Стас и Антон пока оправдывали его надежды. Но если они будут «тормозить», то всегда можно нанять других.

Днем он сам погружался вместе с ними и лично откопал в иле доньшко и обломок ручки глиняного сосуда. При этом он взбаламутил воду так, что видимость стала нулевой. Он не умел экономно расходовать воздух в баллонах, и его манометр гораздо раньше, чем у помощников, показывал критический остаток дыхательной смеси – 50 бар, при котором необходимо было всплывать.

Уже на поверхности Ордынцев увидел, что его маска внутри испачкана чем-то красным.

«У вас кровь носом пошла, – объяснил Антон, который поднимался вместе с ним. – С глубиной не шутят. Всплывать нельзя быстрее, чем поднимаются ваши же пузырьки воздуха», – напомнил он.

Ордынцев совершенно не почувствовал, как у него шла кровь носом, и этот факт неприятно удивил его. Больше он не погружался, предоставив дальнейшие поиски помощникам. Руслана тоже отказалась нырять. До обеда она сидела на палубе, совершенствуя свой загар, а потом закрылась в каюте.

За ужином она была молчалива и задумчива.

«Ты чем-то расстроена?» – осведомился Ордынцев. Хотя отлично знал, что испортило настроение любовнице. Его увлечение «какими-то черепками», а не ее прелестями. Вообще она бы с большим удовольствием провела время на Мальдивах или в Таиланде. Дайвинг оставил ее равнодушной. Тем паче нырять вблизи Таманского полуострова? Фи! Вот если бы Ордынцев повез ее на Карибское море, они бы поселились в пятизвездочном отеле...

– С тобой все в порядке? – спросила она со скрытыми нотками недовольства.

Ордынцев от неожиданности выпустил из рук лупу и обернулся.

– Я думал, ты спишь...

– Я не люблю спать одна, Макс!

– У меня тоже бессонница, – парировал он.

– А мне известно хорошее лекарство, – промурлыкала она, обвивая его шею руками. – Бросай уже свои горшки. Пойдем в постельку...

– Оставь, – не сдержал раздражения Ордынцев, освобождаясь от ее объятий. – Не видишь, я занят?

Руслана надулась, но не ушла, как он рассчитывал. Уселась на мягкий подлокотник его кресла. Ее короткая шелковая сорочка высоко открывала точеные бронзовые ноги. Ордынцева, однако, это не возбудило.

– Торчишь от этих глиняных обломков? – разозлилась она. – Я думала, мы...

– Ты ошиблась, – спокойно перебил он.

– Тебе сегодня звонила жена?

– С чего ты взяла?

– После ее звонков ты становишься невыносим! Она заведет тебя, а страдаю я.

Блондинка скорчила мученическую мину. Она знала, что Ордынцев не выносит женских слез, что стоит ей расплакаться, и он уступит. Но ей, как назло, не удавалось выдавить ни слезинки.

– Иди к себе, дорогая, – попросил он. – Уже поздно.

– Ну признайся же! Она звонила?

– Разумеется, нет. Мы в ссоре, если ты помнишь.

Руслане не стоило спрашивать его о жене. Чувство вины ужасно некстати охватило неверного супруга и заставило его сердце болезненно сжаться. Иногда он просто не мог понять, что тянет его к любовнице. Ира и моложе, и умнее, и...

– Никакого золота вы не найдете! – с досадой вырвалось у блондинки. – Уж если искать, так на пляже или в воде у берега, там, где люди купаются. Понырять с металлоискателем, и пара-тройка колечек и цепочек непременно в песке попадется. Отдыхающие теряют. Я сама в позапрошлом году потеряла на пляже золотую сережку. Правда, не здесь, а в Черногории.

– Какая же ты... – «дура», чуть не брякнул Ордынцев. Успел заменить грубое слово на более мягкое: – ... дуреха! Зачем мне обычное золото? Легче купить его в ювелирном салоне, чем рыскать на пляже.

– Вот и я говорю...

– Ты только представь, Русик... что держишь в руках украшение скифской принцессы или монету, которой больше тысячи лет. Возможно, ее чеканил сам царь Митридат!

В подведенных глазах любовницы не отразилось ничего, кроме презрительного нетерпения. Ее не интересовала история. Гораздо сильнее ее волновало подозрительное равнодушие Ордынцева. Еще вчера он пылал страстью, а сегодня к нему не подходит. Неужели он увлекся другой женщиной? Ради нее он нанял этих дайверов, которые только и делают, что едят и ныряют! Ради нее хочет поднять со дна морского древнее золото...

Ревность затопила Руслану, как хлынувшая в пробоину вода затапливает трюм торгового судна. Ревность, казалось, могла убить... так она была сильна.

Боясь выдать вспыхнувшую ненависть, блондинка прикусила губу и вскочила. Почему ей не везет с мужчинами? Почему они охотно делят с ней постель, а женятся на других? Ордынцев хоть и изменяет своей Ирке, а разводиться не торопится. Выжидает чего-то... раздумывает. Может, он собирается помириться с ней? Надеется, что ожерелье скифской красавицы или боспорской путаны вернет ему былое счастье? На самом деле ему нужно не золото, а *любовный талисман*?

Злые мысли захлестнули Руслану, она покраснела, задохнулась от негодования. Выдавила, пятясь к дверям:

– Пойду спать. Не буду тебе мешать...

Но вместо каюты ноги вынесли ее на палубу. Соленый ветер охладил горящую кожу. На чернильных волнах покачивалась багровая лунная дорожка. Две темных фигуры застыли у борта, тихо переговариваясь. Это были Стас и Антон.

– Луна какая красная... – донеслось до Русланы. – Словно кровь.

– Что-то не так?

– У Ордынцева во время подъема кровь носом пошла...

– Бывает.

– Не нравится мне все это...

– Да брось ты, Антоха! Заладил: кровь, кровь... Мы за неделю заработали больше, чем за весь прошлый месяц. Максим Сергеич мужик щедрый и не придиричивый. Чего тебе неймется?

– Мне самому сегодня под водой дурно стало, – признался Антон. – На глубине.

– Ты небось на палубе перегрелся... или слишком быстро погрузился...

Глава 4

– Фу-у-ух! Ты меня напугала!

Лавров подошел к «русалке» и перевел дух. Это была Глория в батистовой пижаме. Ее распушенные волосы отливали красным.

– Я думал, ты спишь...

– Ты когда-нибудь видел такую луну?

– Зачем ты вышла?

– Мне приснился странный сон... Кстати, где ты был? – спросила она, совершенно не стесняясь своего неглиже.

– Решил прогуляться.

– Ночью?

– Днем жарко. Я и так сгорел. Все болит, уснуть не мог. Надо же как-то развлекаться.

Она недоверчиво покачала головой:

– Не хочешь говорить?

Лавров не собирался признаваться, что ему померещился карлик. Глупо и недостойно ревновать к мертвому. Тем более что повода нет.

– Послушай... а что тебе приснилось?

– Мой повторяющийся сон. Опять анфилада залов, золоченые двери, высокие окна... я иду, иду... и вдруг в одном из залов вижу колесо. Оно вращается, на нем – непонятные символы. А сверху на облаке сидит Сфинкс и наблюдает...

– За вращением колеса? – осведомился Роман, продолжая думать о карлике.

Неужели ему все почудилось? Может, он тоже спал и видел сон? Который принял за действительность?

– Наверное, – неуверенно вымолвила Глория.

– Что? – спохватился он. – Ты о чем?

– Я о Сфинксе! – Она подозрительно уставилась на него, протянула руку и пощупала лоб. – Ты в порядке?

– Не знаю... – вырвалось у Лаврова. – Похоже, у меня вчера случился солнечный удар. От этого глюки бывают?

– Вряд ли. Жара у тебя нет. Голова болит?

– Кружится, – соврал он.

– Идем в дом...

Он покорно поплелся за Глорией, которая на ходу объясняла, как проснулась, решила рассказать ему сон и... обнаружила пустую постель. Убедившись, что в доме его нет, вышла во двор...

– Я ужасно испугалась. Побежала тебя искать.

В доме Роман сразу отправился в ванную мыть ноги. Погнавшись за призраком карлика, он забыл надеть шлепанцы. Он вообще обо всем забыл.

– Хорошо же ты меня охраняешь, – усмехнулась Глория, делая ему чай. – Бросил женщину одну и подался куда глаза глядят. Ты уверен, что просто захотел прогуляться?

Лавров неуклюже оправдывался. Глория права. Он не имел права оставлять ее в доме одну. На него будто затмение нашло.

После чая он принялся корить себя. Глория сидела на стуле, слушала, как он посыпает голову пеплом, и зевала. Сквозь тонкий батист просвечивала ее грудь. Могла бы и халат накинуть.

– Больше это не повторится, – заверил ее Роман.

– По крайней мере, предупреждай меня, если захочешь пойти куда-нибудь посреди ночи.

– Конечно...

Часы на стене показывали два часа пополудни.

– Тебе лучше? – спросила Глория, с состраданием глядя на него.

– Да... намного.

Для мужчины он был очень красив. Строен, широкоплеч, с серыми глазами и темным ежиком волос. Даже воспаленная кожа на лице не портила его. Глория подавила желание подойти и обнять его... ощутить на губах его поцелуй...

– Пожалуй, я еще успею выспаться, – сказала она, поднимаясь. – Утром хозяйка должна принести завтрак. Посмотрим, как она готовит. Не ездить же в местный кафетерий? Подъем в семь утра.

– Боже! – простонал он. – И это называется отдыхом?

Впрочем, какая ему разница. Он-то все равно глаз не сомкнет. Проклятый карлик и тут лишает его покоя.

– Дай мне книжку, – попросил Лавров. – Попробую освежить в памяти школьную программу.

– Лермонтова? Бери...

Он проводил Глорию до спальни с напрасной надеждой, что она предложит остаться. Ничего подобного.

На тумбочке лежал томик Лермонтова с ее закладкой. Она протянула книгу со словами:

– Приятного чтения, Рома.

Как будто нельзя провести время за более приятным занятием.

Когда дверь захлопнулась перед его носом, он сунул томик под мышку и понуро побрел к своему дивану. Простыня сбилась, подушка в углу... Лавров нанес по ней несколько боксерских ударов, выпустил пар и улегся.

«Журнал Печорина»... Бред. Он давным-давно не брал в руки Лермонтова. Пожалуй, с того времени, как распрощался со школьной партией.

– Тамань... – прочитал он вслух. – *Самый скверный городишко из всех приморских городов России*. Вот уж с чем не поспоришь! Истинная правда. Значит, знаменитому поэту здесь тоже несладко пришлось.

Строчка за строчкой – Лавров втянулся в неторопливое повествование. Сюжет сводился к тому, что Печорина в Тамани пыталась соблазнить и чуть не утопила подружка контрабандиста, которая таким образом хотела спасти своего Янко. Ведь приезжий сдуру припугнул ее, что донесет на них коменданту крепости. Вроде бы простенькая история. Однако Лаврова поразила одна вещь: в «Тамани» присутствовал *слепой мальчик*, который помогал Янко и его сообщнице...

Глория неспроста взяла с собой именно эту книгу, и неспроста ее закладка указывала именно на «Тамань». Почему-то она выбрала для отдыха этот поселок. Не другой, каких десятки разбросаны по побережью. Не заграничный курорт, не острова, не тур по Европе.

Тамань...

Лавров вспомнил маленькую фигурку, которую они видели на тропинке у подножия обрыва. Глория назвала мальчика *слепым*. А она знает что говорит.

«Мальчишка! – внезапно осенило Романа. – Я принял его за карлика, потому что он мал ростом. Мне не померещилось. Но что он делал ночью в нашем дворе? Хотя... может, он живет поблизости. В этом необходимо разобраться...»

«Печорин попробовал, и к чему это привело? – отозвался внутренний голос. – Он едва не стал жертвой хитрой бестии в женском обличье! Контрабандисты улизнули, бросив слепого на произвол судьбы. Без всякой на то необходимости Печорин возмутил чужое спокойствие, за что сам чуть не поплатился... и обездолил слепого сироту».

Лаврову снова вспомнился маленький темный силуэт, балансирующий по верху забора, хруст веток и тихое дыхание...

* * *

На завтрак хозяйка принесла жареную кефаль и салат из огурцов и помидоров. Глория уплетала с завидным аппетитом, и начальник охраны последовал ее примеру.

В свете южного солнца ночное приключение померкло.

– Какие у нас планы на сегодня? – зевая, осведомился он.

– Я хочу на пляж.

Хорошо, что они привезли все с собой: шезлонги, большой зонт, раскладные стулья и надувные матрасы. Прокат в Тамани был плохо организован. Зато отъехав на внедорожнике подальше, они нашли на побережье почти пустынную полосу песка, где с удовольствием расположились.

Глория загорала. Лавров, одетый в легкую тенниску, сидел под зонтом, борясь с дремотой. Море волновалось, по песку в поисках пищи бродили чайки. Мерный шум набегающих волн убаюкивал.

– Знаешь, что мне приснилось под утро? – вспомнила Глория. – Русалочья охота. Это не к добру.

У нее были собственные приметы, которыми она руководствовалась. Русалочья охота – когда всадницы в средневековых нарядах скачут по лесу в сопровождении своры собак – предвещала смерть.

Лавров молча кивнул. Зачем спорить? С женщиной проще согласиться, чем вызвать ее недовольство.

– Я бы хотел поговорить с нашей хозяйкой, – заявил он.

– О чем?

– Расспросить о местных достопримечательностях. В Тамани есть музей Лермонтова, я смотрел в путеводителе. Сходим?

– Зачем? Не люблю музеи. Там все мертвое... и пахнет тленом.

– Я думал, у нас будет культурная программа.

– Для этого не обязательно ходить по музеям.

– Предлагаешь с утра до вечера вялиться на солнце?

Глория встала, всматриваясь в слепящую синеву моря. На горизонте маячит белый парус, или это обман зрения?

– Лучше пригласи меня на морскую прогулку, – попросила она. – Здесь есть яхт-клуб?

– По идее, должен быть. Но причал-то уж точно есть. А катер тебя не устроит?

– Можно и катер...

Глава 5

Москва

Виктор заметил, что в захудалый магазин, где практически отсутствует выбор товара, заходят солидные покупатели. Благодаря тому, что в зале постоянно находился новоиспеченный охранник, Раметов позволял себе днями просиживать в подсобке. Виктору туда ходу не было. Он попробовал как-то сунуть нос в заветную дверь, но получил от ворот поворот.

«Твое место в зале, парень! – злобно сверкнул глазками хозяин. – А здесь – моя партия. Чтобы я тебя близко у двери не видел. Не смей подслушивать и подсматривать. Не то прощаемся!»

И поскольку сотрудник, по его мнению, не совсем проникся сказанным, добавил: «Ты же не хочешь ослепнуть и оглохнуть?»

Посмеявшись над своей шуткой, Раметов удалился в подсобку, а Виктор остался в зале осмысливать происходящее.

Положа руку на сердце, он не ожидал, что ему удастся устроиться к Раметову. Виктору казалось подозрительным, что тот взял его на работу. Он все еще искал в действиях хозяина какой-то подвох.

Между тем при видимом затишье в магазине, несомненно, шла торговля. Изредка в «Раритете» звенел колокольчик, возвещая о визите покупателя.

Виктор, стараясь не выказывать интереса, поглядывал в окно. Покупатели подъезжали на дорогих иномарках, часто с водителем. Пока господин прохаживался вдоль витрин, делая вид, что рассматривает старинные безделушки, шофер курил либо, выйдя из авто, разминал затекшие от долгого сидения члены.

Услышав колокольчик, Раметов не сразу появлялся в зале, а выждав минуту, словно не торопился встречать клиента. Словно не ему было выгодно продать товар, а визитеру – купить. С полным равнодушием на бульдожьем лице хозяин подходил к посетителю, и они о чем-то шептались.

Как Виктор ни напрягал слух, он не мог уловить смысла этой тихой беседы. Обрывки фраз, которое долетали до него, не содержали сколько-нибудь понятной информации. Что-то наподобие «...хотелось бы... разумеется... не сомневайтесь... наличными... никаких чеков...».

Потом Раметов ненадолго скрывался в подсобке, откуда не раздавалось ни звука, и опять появлялся в зале, неся в руках картонную коробку побольше или поменьше, вручал покупателю, получал деньги и провожал того к выходу.

Сей странный ритуал повторялся каждый раз, с поразительным и скучным однообразием.

Виктор сделал из этого вывод: торговый зал с витринами существовал только для отвода глаз, а настоящий товар Раметов прятал в подсобке. Что это было, охранник так и не понял. Но товар явно не из дешевых – судя по клиентуре. Каким-то образом люди покупали «кота в мешке». Ибо Раметов *ничего им не показывал*. Открыть коробку и увидеть то, за что уплачены немалые деньги, клиенты могли только за пределами магазина. Сделка совершалась на полном доверии. И еще ни разу недовольный покупатель не являлся назад со скандалом или требованием обменять товар.

По крайней мере, Виктору еще не доводилось присутствовать при каких-либо разборках.

Вечером Раметов закрывал магазин и отпускал охранника на все четыре стороны. Сам он добирался до дому на своей машине. Это был черный «БМВ» последней модели.

Виктора мучило жгучее желание узнать, что Раметов прячет в подсобке. Но как это сделать? Залезть ночью в магазин и...

Раметов дьявольски проницателен. Он нюхом почует неладное и примчится посреди ночи в свой магазин. С него станется. Виктор не взялся бы предсказать, как поступит с ним хозяин «Раритета». Несомненно одно: такую провинность он охраннику не спустит.

Это будет квалифицироваться как попытка ограбления со взломом, даже если Виктор ничего не возьмет. И потянет на статью. Неприятности с законом ему были ни к чему. Он искал другой способ открыть тайну. И надеялся, что случай представится...

* * *

Тамань

Прогулка на катере получилась скучная.

Лавров молчал, закрываясь от солнца купленной на набережной газетой, которую трепал ветер. Глория вглядывалась в блестящую синеву моря, словно что-то искала. Наконец на горизонте появилась небольшая яхта.

– Близо подходить не стоит, – предупредил хозяин катера. – Я эту яхту не первый раз вижу. Они не любят, чтобы им мешали. Наверное, сокровища ищут, – усмехнулся он.

– Сокровища? – удивился Лавров.

– Здесь много затонувших кораблей. Правда, в основном времен Великой Отечественной. Десантные катера, баржи, даже самолеты, говорят, лежат на дне. У меня друзья дайвингом увлекаются. В этом году сагитировали нырнуть разок. Я согласился. Мне не понравилось. Уши жутко болели, и потом колбасило дня три.

– Что там за сокровища? – полюбопытствовала Глория.

– Понятия не имею. Разве что мелочевка. Патроны находят, обрывки якорных цепей...

– А как насчет золота? – заинтересовался Лавров.

– Сколько здесь живу, про золото не слышал.

– Но Керченский пролив известен с глубокой древности, – сказала Глория. – Тут проходили торговые пути. И в Крыму, и на Таманском полуострове издавна селились люди.

– Ну да, – кивнул хозяин катера. – Кого здесь только не было. И греки, и скифы, и римляне.

– Неужели на дне ничего не находят?

– Может, и есть какие-нибудь обломки... заиленные по самое не могу. Археологи поднимают что-то: то керамику, то железяки разные. А про золото слышать не приходилось.

– Ребята просто ныряют с яхты, – предположил Лавров. – Это удобно. Под водой не только затонувшие корабли, но и рыбы, и всякая живность.

– Я видел буйки, – объяснил ему хозяин катера. – Значит, они обозначили конкретное место и погружаются с конкретной целью. Ищут что-то.

– Не обязательно золото, – пробормотала Глория.

Она приняла разговор близко к сердцу, разволновалась.

Лавров уже час как чувствовал дурноту, списывая недомогание на вчерашний перегрев и бессонную ночь. Его подташнивало, клонило в сон.

– Поехали домой, – предложил он. – Обедать пора.

Однако Глория не поддержала его. Ее что-то беспокоило.

– Нельзя ли подплыть поближе к яхте? – попросила она и обернулась к Лаврову: – Дай-ка бинокль.

– Я вам не советую, – покачал головой хозяин катера. – Зачем мешать людям? Хотите нарваться на неприятности?

Глория приложила бинокль к глазам и разглядывала яхту. На борту виднелась надпись: «Ассоль».

– Дорогое судно, – заметила она. – Комфортабельное. О-о! Вы правы... вот и аквалангист. Вылезает из воды... с пустыми руками. Нет... кажется, у него сетка... а там... жалко, не видно...

Бинокль был японский, привезенный по заказу Глории ее знакомым, который занимался поставками оборудования для охранных фирм и частных детективных агентств. В бинокль была встроена миниатюрная фотокамера, которая в случае надобности могла запечатлеть увеличенный линзами объект. Вещица пока что редкая.

Глория преподнесла бинокль Лаврову на день рождения.

«С намеком? – догадался он. – Чтобы я мог свои отчеты дополнять снимками?»

«Ты против?»

«Да нет, спасибо. Я счастлив, что могу быть тебе полезен...»

На самом деле этот подарок слегка разочаровал начальника охраны. Выходит, Глория видит в нем в первую очередь помощника в расследованиях, а потом уже... Если сие «потом» – не самообман, которым он тешит себя.

Несмотря на жару, Глория ощутила озноб. Ветер вместо приятной прохлады леденил ее. Кожа от холода покрылась пупырышками.

– Я замерзла, – пожаловалась она.

Лавров и хозяин катера недоуменно переглянулись.

– Я же говорю, домой пора.

– Нет... еще минуточку...

Глория не могла оторваться от яхты, словно ее заворожила увеличенная биноклем картина. На вид вполне мирная. Белый борт судна; женщина, отдыхающая на палубе, – довольно привлекательная блондинка, только что поднявшийся на палубу дайвер в черном гидрокостюме... Он снимает маску, показывает блондинке более чем скромный улов: пара коричневых черепков...

Если бы бинокль позволял не только видеть происходящее, но и слышать голоса людей! Впрочем, по выражениям лиц и жестам не трудно понять, что блондинка смеется над незадачливым искателем сокровищ. А тот огорченно оправдывается.

– Что там? – нетерпеливо спросил Лавров, прикасаясь к ее плечу. – Делят золото?

Глория вздрогнула и сердито покосилась на него.

– Напугал? Извини.

– Золотом и не пахнет, – пробормотала она, опять прильнув к биноклю. – Что-то не так с этой яхтой...

– Пробоина? – посмеивался Лавров. – Вот-вот пойдет ко дну? Вызываем спасателей?

– Тебе шуточки, а людям... беда, – с запинкой вымолвила Глория.

– Какая еще беда? Стоят на якоре, ныряют. По-моему, с яхтой все в порядке.

– *Пока!* – не оборачиваясь, возразила Глория. – Пока все в порядке. Но скоро...

Лавров заметил, что хозяин катера прислушивается к их разговору, и предупредительно тронул ее за локоть. Молчи, мол, а то нас неправильно поймут.

Глория сжала губы, но бинокль из рук не выпустила. Вокруг яхты как будто клубилось темное облако. Невидимое глазу, но вполне ощутимое, предвещающее что-то плохое. Возможно, смерть...

– Кто-то умрет, – прошептала она, опуская наконец бинокль.

Лавров покачал головой. Он проголодался, его мучило от бегущих по морю волн, солнце жгло шею и плечи сквозь тенниску. Больше всего на свете ему сейчас хотелось поесть, лечь на диван и уснуть под тихое жужжание кондиционера. Кто-то умрет? Ну и пусть. Им-то какое дело? Их никто не просил вмешиваться. А если даже попросит...

– Мы, кажется, на отдыхе, – недовольно буркнул он.

Глория неожиданно согласилась.

– Ладно, возвращаемся...

Глава 6

От пристани, где причалил катер, надо было идти на маршрутку. Та довезла измученных духотой пассажиров до остановки, оттуда пришлось шагать пешком.

– Почему я не взял «Туарег»? – ворчал Лавров. – От этой жары мозги плавятся. Могли бы отлично доехать и не тащиться по пылилке домой.

Глория стоически молчала. Ветер, как назло, стих, и зной стал невыносимым. Она то снимала шляпу, чтобы обмахиваться, то опять нахлобучивала ее на голову.

По левую сторону дороги тянулась окраинная улочка с белыми заборами и домиками, по правую – обрыв, за которым серебрилось море.

Вдруг Глория замедлила шаг, приостановилась и свернула к обрыву.

– Ты куда? – спросил ее спутник. – Ближе к краю не подходи, может обвалиться. Черт знает какая тут почва.

– Погоди...

Она замерла, как будто прислушиваясь к чему-то, приглядываясь. Потом вытянула шею и уставилась на крутой склон с чахлыми узколистными кустиками. Внизу пенилась полоса прибоя, оставляя на песке клочки водорослей.

– Это здесь... – словно в бреду, промолвила Глория. – Да, здесь...

– Что? – не понял Лавров.

– Здесь... – повторила она, закрывая глаза и откидывая голову назад. – Все случится на обрыве... Я вижу, как оно катится...

– Что катится?

– Тело... мертвое тело...

Начальник охраны решительно взял ее под руку и увлек прочь от опасной кручи, готовой в любой момент обсыпаться. На отвесной стене кое-где торчали острые камни. Глория вздрогнула, ощущая, как чье-то тело с размаху ударилось о камни, подпрыгнуло и полетело дальше... уже бездыханное, с окровавленной головой. Ей стало так же жутко, как на катере, когда она смотрела в бинокль на окутанную черным облаком яхту «Ассоль».

– У меня голова болит, – пожаловалась она Лаврову.

– Не мудрено. Надеюсь, сегодня мы больше никуда не пойдем?

Она неопределенно хмыкнула и поправила шляпу. Солнце палило нещадно, и ее плечи прихватило даже через лен блузки.

Едва путешественники добрались до дома, где обитала хозяйка, сдававшая им жилье, Лавров встрепенулся и заявил:

– Я зайду на минутку. Подождешь?

Глория без единого вопроса кивнула и прислонилась к забору в тени раскидистого дерева. Хоть какая-то прохлада.

Яхта и мертвое тело засели у нее в уме. Что бы это значило? Существует угроза судну или его владельцу? А может, опасность подстерегает дайверов, которые ныряют на том нехорошем месте? Или блондинку, беззаботно загорающую на палубе? Ведь никто из них не подозревает, что...

Лавров толкнул калитку, и кудлатый пес во дворе зашелся громким лаем. Глория повернулась в его сторону. Может, пойти с ним? Ах, нет... лучше стоять в этой чудесной тени и ни о чем не думать.

– Входите, входите, Роман! – помахала рукой пожилая дама в ситцевом сарафане и белом, повязанном назад, платке. – Вы уже с пляжа? Обедать будете?

– Конечно.

– Я через часик принесу.

Они разговаривали под навесом, образованным плетущимся по железному каркасу виноградом. Сквозь виноградные листья пятнами просвечивало солнце. В саду в гамаке лежала девушка и ела абрикосы.

– Вы и свои комнаты сдаете? – полюбопытствовал Лавров.

Хозяйка проследила его взгляд и улыбнулась:

– Это моя гостя. Подруга дочери. Приехала отдохнуть на недельку. Я с нее денег не беру.

Откуда у бедной сироты деньги?

– А я принял ее за вашу дочь.

В памяти Лаврова всплыли строчки из «Журнала Печорина». Тот тоже принял сообщницу контрабандиста за дочь старухи-хозяйки. Он почти не удивился, когда услышал:

– Нет, что вы! Моя дочка вышла замуж и уехала. Ей никогда не нравилась наша станица.

– Ваш зять – татарин? – машинально спросил гость.

– Да... – растерянно подтвердила женщина. – Он увез дочку в Казань. С тех пор они навевались раза два. Погостили и больше сюда ни ногой.

«Была дочь, да утикла за море с татаринком», – вспомнилось Лаврову.

Он невольно посмотрел мимо хозяйки в сад, где висел гамак. Хотелось бы поближе познакомиться с «бедной сиротой». Что-то здесь было нечисто. Роман не мог сообразить, что именно, но мальчишка, который ночью лазал по чужим дворам и бегал по заборам, как цирковой акробат, странные совпадения с содержанием лермонтовской «Тамани», слова Глории о мертвом теле, скатившемся с обрыва, – все это непостижимым образом связывалось в один клубок и грозило испортить отдых.

«Бедная сирота» встала из гамака и скрылась в доме. Лавров подавил порыв немедленно отправиться за ней и... Что «и»? Кто дал ему право приставать к людям с вопросами? Да и какие вопросы он станет задавать?

– Галина Васильевна, на вашей улице случайно не проживает маленький мальчик? – вырвалось у него.

– Как же не проживать? – спокойно ответила хозяйка. – У соседей двое, и отдыхающие с детьми жилье снимают. А к Харитоновым внуки приехали из Питера. Они что, шумят? Беспокоят?

– В общем, не очень, – смутился Лавров. При свете дня ночное приключение показалось ему надуманным, не стоящим внимания. – Я зашел по другому поводу. Я мясо люблю, пирожки и блинчики, а моя дама – овощные блюда. Вы учтите, пожалуйста.

– Постараюсь, – кивнула хозяйка.

– Спасибо. Ну, я пойду...

Женщина молча смотрела ему вслед, пока он не закрыл за собой калитку.

– Что так долго? – накинулась на него Глория, уставшая и недовольная.

– Меню обсуждали...

Уже дома, приняв душ и полулежа в кресле в ожидании обеда, он поинтересовался:

– Лермонтов – твой любимый писатель?

– У нас в семье был культ хорошей литературы. Родители привили мне любовь к русским классикам. Но книгу я взяла с собой не поэтому, – усмехнулась Глория.

– А почему?

– Так надо было. Я подошла к шкафу перед отъездом, рука сама потянулась к томику Лермонтова. Открыла наугад – «Тамань».

– У вас с покойным Агафоном схожие вкусы? – ощущая укол ревности, спросил начальник охраны.

– В библиотеке Агафона мало художественных книг. Но Лермонтов – очень мистический писатель.

– *Мистический,* – язвительно повторил Лавров. – Угу!

- Что с тобой, Рома?
– Я плохо спал этой ночью...

* * *

Руслана с тревогой вглядывалась в бирюзовую толщу воды. Дайверам давно пора было всплывать. Воздуха в аквалангах оставалось в обрез. Она хоть и не пристрастилась к подводному плаванию, но за время пребывания на яхте поднаторела в разных тонкостях сего экстремального развлечения. Пусть говорят, что при надлежащем обучении и хорошем оборудовании риск сводится к нулю, на деле бывает всякое.

Руслана погружалась пару раз под наблюдением Антона и натерпелась страху, нахлебалась горькой морской воды, пока ловила выпавший загубник. Воздух из баллона с напором поступал в легкие, раздувая грудную клетку; уши и голову пронизывала острая боль; в маску попала вода...

После второй неудачной попытки Руслана решила, что дайвинг – не для нее. Не всем же быть «ихтиандрами». Кому-то на суше кайф, кому-то на глубине.

Время шло. По морю бежала волна, а Стас с Антоном все не показывались.

Что делать, если ребята вовремя не поднимутся? Звать Ордынцева? Так он на море новичок, какой из него спасатель?

Кроме него и Русланы на борту находился еще один человек – рулевой и по совместительству мастер на все руки. Во избежание огласки «археологических изысканий» владелец яхты ограничился единственным членом экипажа, который управлял судном, готовил еду и выполнял необходимые поручения. Когда судно стояло на якоре, рулевой или возился на камбузе, или дрых у себя в каюте.

Блондинка вспомнила, что оставила мобильный в каюте. Макс всю ночь просидел над чертовыми черепками, а она маялась одна в постели, одолеваемая невеселыми мыслями. Поклонник быстро загорелся и, похоже, быстро остыл. Немудрено, что у них с женой начались разногласия, которые переросли в скандалы. Ни одной женщине не понравится, когда ею пренебрегают. Если муж занят бизнесом, это еще можно стерпеть. Но если он просиживает над обломками глиняных сосудов для зерна или масла, предпочитая их объятиям возлюбленной, – это обидно.

Какая разница, сколько лет этим горшкам, десяток или тысяча? Да пропади они пропадом!

Узнав о том, что Ордынцев женат, Руслана априори возненавидела его супругу. Но теперь она почти понимала ее. Ирина относилась к браку с присущим ей максимализмом. Она ждала от Ордынцева беззаветного обожания, а он...

Впрочем, кроме сплетен, в которых крупитца правды тонули в море домыслов, Руслана ничего не знала о семье Макса. Кто из супругов не ссорится? Кто не расходится сгоряча? Кто не изменяет, чтобы насолить другому?

Руслана побывала замужем, и собственные семейные дразги были еще свежи в ее памяти. Они со Смоляковым сначала разъехались, а через два года официально разошлись. За это время Руслана сделала стремительную карьеру на ТВ, а ее муж укатил в Израиль. Его мать была еврейкой и наконец-то переманила сына к себе в Тель-Авив.

Ордынцев не отличался открытостью и помалкивал о размолвках с женой. Ирина тоже публично не жаловалась. Они не выносили сор из избы. Супруги имели кое-какую недвижимость и, поссорившись, проживали врозь. Макс остался в московской квартире, Ирина переехала в загородный дом.

«Почему у вас нет детей?» – как-то спросила Руслана.

«Не успели», – бросил Макс, не добавив никаких подробностей.

«Ира ушла от тебя или ты ее бросил?»

«Не вижу разницы. Мы разъехались!»

«Насовсем?»

«Жизнь покажет...»

Он уходил от прямых ответов, что жутко бесило Руслана. Она имела виды на Макса – серьезные виды.

Блондинка задумалась и не заметила, как в воде у борта показались пузырьки, а затем блестящая черная голова Стаса в гидрокостюме.

– Все в порядке? – свесившись вниз, крикнула Руслана. – Где Антон?

– Всплывает...

– Слава богу! Вы меня напугали.

– Ты вроде не из пугливых, – во весь рот улыбался дайвер, поднимаясь по трапику. Одной рукой он хватался за поручень, а в другой держал что-то бесформенное, похожее на мокрый мешок.

– Что это? – брезгливо скривилась Руслана.

– Нашел на дне...

Он бросил свою добычу на палубу, и вокруг сразу образовалась лужа воды. В мешке находился твердый предмет – блондинка определила это по стуку.

– Гадость! – процедила она, отвернувшись и продолжая высматривать второго ныряльщика.

Тот уже подплыл к трапику, собираясь взбираться на борт. Руслана с облегчением помахала ему рукой.

Тем временем Стас освободился от акваланга и развязывал мешок. Узел не поддавался.

– Что внутри? – опасливо осведомилась блондинка.

– Не знаю. Мы не успели посмотреть. Сегодня паршивый день: ничего не попадалось, хоть плачь. Отплыли чуть в сторону, а там этот мешок. Замешкались, брать – не брать. Хотели заглянуть, что в мешке. Черта с два! Узел крепкий, холера! Воздух кончился, всплывали на резерве.

К ним, шлепая ластами, подошел Антон.

– Небось мусор кто-то выкинул с борта...

Руслана высказалась куда более мрачно:

– А что, если там – труп?

– Для трупа мешок маловат.

– Ну... часть трупа, – не сдавалась блондинка. – Расчлененка. Голова, например...

– Типун тебе на язык. Дай-ка нож, Антоха! – потерял терпение дайвер.

Чик! Из разрезанного мешка вывалились несколько камней, которых полно валялось на берегу. Но среди них находился предмет, ради которого стоило рисковать.

– Говорил же, надо брать мешок! – ликовал Стас. – Чуйка у меня! А ты – всплываем! Всплываем! Во второй раз нырнули бы – не нашли.

Антон и Руслана потеряли дар речи.

– Чего-чего, а такого я не ожидала увидеть, – вырвалось у нее. – Почему эта штука оказалась в мешке?

– Да еще с камнями, – подхватил Антон.

– Не верю своим глазам... Вы меня, часом, не разводите, мальчики?

– Делать нам нечего... – обескураженно пробормотал Стас.

Он склонился над находкой, потирая затылок. Потом поднял голову и повернулся к напарнику:

– Думаешь, это подлинный антик? Но почему в мешке?

– Мешку точно не тысяча лет. От него бы давно ничего не осталось.

- Коню понятно!
- Может, Руслана права? Нас решили разыграть? Увидели, что мы...
- Зови хозяина, – перебил Стас. – Живо!

Глава 7

После обеда Глория прилегла, а Лавров поднялся в мансарду и устроился с биноклем в углу открытой террасы. Отсюда было видно все, что происходит в соседнем дворе. Слегка мешали деревья, но в основном он остался доволен выбранной позицией для наблюдения. Здесь его вряд ли заметят, тогда как ему удобно следить за хозяйкой и ее гостьей. Он затруднялся ответить себе, зачем ему это надо, и радовался, что Глория спит. Обойдется без лишних вопросов и насмешек.

Наступило самое жаркое время суток. Улица будто вымерла. Даже кошки и собаки попрятались в тень и дремали. Лавров тоже боролся с дремотой, но любопытство было сильнее усталости.

Соседи, похоже, предавались послеобеденному отдыху. Никто не выходил из дому, занавески на окнах были задернуты. Так прошло около часа. Лавров расположился в плетеном кресле, и время от времени веки его против воли смыкались, а рука с биноклем опускалась на колени. Потом, побуждаемый неведомым импульсом, он просыпался и возвращался к своему занятию.

В одно из таких внезапных пробуждений его настойчивость была вознаграждена. На пороге мелькнул светлый сарафан – это оказалась «бедная сирота», которая вышла в сад и направилась к гамаку.

Лавров покосился на часы. Ого! Уже почти четыре. С моря дул теплый ветер, шевелил листву изнемогающих от зноя деревьев.

Девушка лежала в гамаке под яблонями, наслаждаясь тишиной и покоем. Увеличенные линзами бинокля черты ее не отвечали современным канонам красоты, однако показались наблюдателю довольно милыми. Длинные пшеничные волосы девушки рассыпались, широкие бретели сарафана подчеркивали золотистый загар. Она была поразительно хороша.

Щелк! Щелк! Лавров делал снимок за снимком. Зачем? Чтобы полюбоваться нимфой на досуге? Или позлить Глорию? Дескать, зря она им пренебрегает. Он может увлечься другой женщиной. Мало, что ли, красивых и свободных девушек, особенно летом на морском побережье?

Щелк! Лавров обратил внимание на изящные лодыжки и маленькие ступни «бедной сироты»... и тут же вспомнил записи из «Журнала Печорина»: что *порода* в женщинах определяется «в поступи, в руках и ногах». И что «правильный нос в России реже маленькой ножки».

Щелк! Он запечатлел очаровательный поворот головы девушки и отметил благородную линию ее профиля. С носом у нее все было в порядке.

Щелк! Разные ракурсы, разная мимика. Щелк! Безмятежность на ее лице сменилась настороженностью и тревогой.

Девушка в гамаке начала беспокойно оглядываться. Лавров, посмеиваясь, скрылся за выступом крыши. Как бы не спугнуть птичку.

Он почти проникся к ней восхищением и симпатией. Но на ум пришло предостережение из «Тамани». Там прелестная русалка на поверку оказалась коварной и беспощадной фурией, готовой утопить чрезмерно любознательного офицера.

Лавров моментально остыл и устыдился той простоты, с которой он попал под влияние пусть молодой и пригожей, но совершенно чужой женщины. Причем та палец о палец для этого не ударила, а он...

– Вот ты где! Я-то думаю, куда ты запропастился?

Глория застала его врасплох. Он не успел спрятать бинокль и выглядел растерянным.

Она безошибочно определила объект его интереса.

– О-о! Вот и подруга контрабандиста! Поджидает своего отважного Янко? Напрасно стараешься, Рома. У тебя ни единого шанса.

– Тише...

– Отсюда она нас не услышит. Ветер относит звуки в другую сторону.

– Если хочешь знать, все это очень подозрительно! – не найдя оправданий, выпалил он. Глория отнеслась к его словам вполне серьезно.

– Конечно, – кивнула она, глядя на девушку в гамаке. – Почему ты мне не сказал, что у нашей хозяйки гостит такая красотка?

– Она не красотка...

– А я не ревную, – рассмеялась Глория. – Чего ты испугался? Эта девица мне не конкурентка.

Он смущенно рассмеялся.

– Может, это хозяйкина дочь...

– Нет, – покачала головой Глория. – И тебе это отлично известно.

– Ладно, твоя взяла.

Лавров ощущал неловкость и не мог скрыть этого. Глория как будто поймала его на месте преступления. Хотя ничего предосудительного он не совершил.

Пока они обменивались язвительными фразами, девушке надоело лежать. Она встала и принялась бродить по саду, сорвала спелое яблоко, вытерла и вонзила в него зубки. Без бинокля выражение ее лица было трудно определить.

– Полагаешь, здесь до сих пор занимаются контрабандой? – спросила Глория.

– Наверняка. В любой приграничной зоне не обходится без контрабанды.

– Хочешь разоблачить нарушителей закона?

– Ни в коем разе! – искренне возразил Лавров. – Какое мне дело до них?

– На какие деньги, по-твоему, построен этот дом, который мы сняли?

Лавров помолчал, задумавшись. Контрабанда? Ему плевать на всех контрабандистов вместе взятых. Если бы не ночной визитер, не книга, которую подсунула ему Глория, он бы не парился по поводу соседей.

– Каждый живет как может, – наконец выдавил он.

Глория нарочно уводила его в сторону, путала. Ей доставляло удовольствие морочить его.

– Скоро этой идиллии придет конец, – заявила она.

Как всегда, без дальнейших разъяснений, что она имеет в виду. Странно, но Лавров ее понял. Он с сожалением посмотрел на мелькающий в саду белый сарафан.

Вдруг из дома выбежал мальчишка лет семи. *Мальчишка!* Он подошел к гостье и взял ее за руку, что-то говоря. При этом он не поднимал головы.

– Прости... – буркнул Лавров, хватая бинокль и направляя его на странную парочку в соседском саду. Мальчишка повернулся, словно не позволяя рассмотреть себя.

– Слепой, – обронила Глория.

– Черт! Теперь все ясно...

– Что тебе ясно?

– Хозяйка обманула. Она не призналась, что у нее есть ребенок. А ведь я спрашивал!

– Это не ее ребенок...

– Ах, да. Она старовата для того, чтобы быть его матерью. Значит...

– Галина Васильевна не обязана отчитываться перед тобой, – перебила Глория. – Кто ты ей, чтобы чего-то требовать? Мы платим за ее услуги, а не за ее исповедь.

Лавров уставился в бинокль на милую девушку и мальчика, у которого были *белые глаза*. В какой-то момент тот обернулся и потянул девушку к дому. Очевидно, мальчик не выносит дневного света.

– Он правда слепой, – прошептал Лавров, опуская бинокль. – У него бельма на обоих глазах.

– Какой ужас...

– Ужас? Не ты ли твердила про слепого мальчика?

– Я говорю только то, что вижу.

– Что же ты теперь видишь?

– Смерть...

* * *

Ордынцев жадно разглядывал поднятую со дна моря находку.

– Где вы обнаружили мешок?

– Чуть в стороне от остова затонувшего судна.

Остовом они называли погребенные под слоем ила и песка деревянные конструкции, похожие на корпус древней галеры.

Максим Сергеевич с недоумением покрутил пустой мокрый мешок в руках.

– Там еще были камни, – добавил Антон и показал на разбросанные по палубе обломки ракушника, обкатанные морем.

– Камни... камни...

Руслана молча наблюдала за этой сценой, стоя рядом с хозяином яхты. На палубу не вышел только рулевой, он же кок. По причине занятости. На яхте привыкли обедать поздно, около пяти часов вечера, когда спадала жара. В полдень обходились холодной водой, пивом и легкими закусками. Каждый мог взять в холодильнике что пожелает и утолить голод.

Блондинка вообще сидела на диете. Салат из мидий и зеленый чай – вот и все ее меню. Не считая «Мартини», разумеется. Вечером она иногда позволяла себе немного рыбы или творога.

Сегодня Ордынцев решил угостить гостью и дайверов парочкой вкусных блюд, растолкал кока и отправил того на камбуз. Возможно, таким образом он хотел загладить свою вину перед Русланой. Она чувствовала себя одинокой, хотя ей была обещана приятная морская прогулка.

– Что ты об этом думаешь? – повернулся он к блондинке, которая лишь пожала плечами.

– Это подстава, – вместо нее сказал Антон. – Как пить дать! Кто-то нарочно утопил мешок с этой... штуковиной. Камни послужили грузом.

– Штуковина? – взвился Стас. – Знаешь, сколько стоит такая ваза, если она подлинная?

– Если это подлинник, то ему нет цены, – зачарованно вымолвил Ордынцев.

– Не слушайте вы его, Максим Сергеич, – предостерег Антон. – Подлинную вазу никто в море не бросил бы. Даже ради прикола. Вдруг бы мы ее не нашли?

– Тут наши буйки, – заметила Руслана, подняв темные очки и наклонившись над вазой. – А вы не первый день ныряете. Осел и тот догадался бы, чем вы занимаетесь. Хм... интересная вещица. Научились же подделывать древние артефакты! В Египте это поставили на поток и гребут денежки, втюхивая фуфло доверчивым туристам.

От волнения она перешла на жаргон, но присутствующим было не до ее вульгарности.

– У меня дыхание перехватило, когда я ее увидел, – заявил Стас. – Смотрите на эти потертости... она сделана из металла. Почернела, но не проржавела. И весит... ого-го!

– Это серебро, – предположил Ордынцев. – Рисунок изумительный. Две нимфы, играющие в кости...

Накануне он проштудировал несколько книг по культуре Боспорского царства и греческих полисов на берегах бывшего Боспора Киммерийского.

– Почему нимфы? – не понял Стас. – Я думал, это просто девушки.

– Рядом с ними – два амура, – со знанием дела разъяснил Ордынцев. – Вот, смотри... мальчики с крылышками. Один тоже кости разглядывает, а другой держит над нимфами опахало...

И он пустился в подробности, от которых Руслана начала зевать, отворачиваясь и прикрывая рот ладошкой.

– Сенсации не получится, – заключила она, когда мужчины пришли к согласию по поводу изображения на сосуде. – По-любому это подделка. Так что остыньте, господа. Телевидение звать рано.

– Будь ваза настоящая, она бы находилась где угодно, только не в мешке с камнями, – поддержал ее Антон.

– Какое телевидение? – рассердился хозяин яхты. – Я не собираюсь всюду трубить о нашей находке. Сначала покажу вазу экспертам... вернее, эксперту: надежному, проверенному человеку. Постараюсь избежать шумихи. Огласка мне ни к чему.

– Она красивая... – признал Антон, беря вазу в руки и разглядывая со всех сторон.

Изделие при видимой простоте поражаало совершенством формы и полной законченностью. Здесь не было ни одной лишней детали, ни одного лишнего штриха. Навскидку ваза напоминала амфору: то же изящное закругление силуэта, устойчивое доньшко и две ручки. Но горло достаточно широкое, куда свободно могла пролезть рука.

По бокам вазы шел повторяющийся рисунок: две нимфы в складчатых туниках, присев на одно колено, играли в кости. По бокам располагались амуры, сидящий и стоящий на камне. С обратной стороны те же нимфы бросали те же кости. Правда, теперь они поменялись местами. Вот и все отличие.

– Это в самом деле может быть серебро, – заявил Ордынцев, который не спускал с добычи глаз. – Ее бы почистить...

Само собой подразумевалось, что находка принадлежит хозяину яхты. Максим Сергеевич сразу поставил дайверам условие: он платит им деньги за погружения, но все, что они поднимут со дна, будет являться его собственностью. Ребята не возражали. Они не рассчитывали на что-нибудь стоящее. До сих пор ныряльщики находили в заливе разную мелочевку, преимущественно времен войны с немцами.

Впрочем, Стас и Антон не претендовали на вазу, которая вызывала у них недоумение и некоторую опаску.

– Вы заслужили премиальные, – усмехнулся Ордынцев. – Молодцы. Спускайтесь вниз, приводите себя в порядок... и жду вас в салоне на праздничный обед.

Его, кажется, не смущало, что ваза была обнаружена при странных обстоятельствах. Зато Руслана не смолчала.

– Кто-то водит тебя за нос, Макс, – сказала она, когда они остались на палубе вдвоем. – Боюсь, ты стал жертвой розыгрыша. Твоя одержимость поисками подводных сокровищ не доведет до добра. Ты превратишься в посмешище.

Ордынцев недовольно сдвинул брови. Ей бы следовало выбирать выражения. Руслана возомнила о себе бог знает что. Она зарывается.

– Остынь, дорогая... В чем дело? Ты печешься о моей репутации или о своей?

– Не люблю быть в дураках!

– Что предлагаешь? Выбросить эту красоту обратно в море?

Он встряхнул вазу, как бы замахиваясь для броска, и внутри что-то брякнуло. Наверное, камушек закатился...

Глава 8

В тот вторник Лавров провел полдня на террасе, украдкой наблюдая за соседями. Ничего интересного у них не происходило.

Хозяйка развешивала белье во дворе, потом варила вишневое варенье в летней кухне. Ветер доносил до мансарды запах вишен, и Лавров решил, что закажет на завтрак блинчики с вареньем и какао. В детстве какао и блинчики были его любимым лакомством. Ни «бедная сирота», ни слепой мальчик больше не показывались.

Глория поднималась к нему два раза, спрашивала, не видел ли он у соседей мужчину.

– Контрабандиста? – ухмылялся бывший опер. – Думаешь, он оборудовал склад у них в подполе? А красавица помогает ему сбывать товар?

– Я думаю, пожилая женщина на свою пенсию вряд ли смогла бы построить такой дом, чтобы сдавать его отдыхающим. К тому же у нее на содержании слепой ребенок.

– Этот слепой передвигается не хуже зрячего. Помнишь, как он чесал вдоль моря?

О ночных похождениях мальчишки Лавров продолжал молчать.

– У истории про контрабандистов – плохой конец, – вздохнула Глория.

– Ну да! Они сбежали и бросили старуху с мальчиком без средств к существованию.

– В нашем случае все гораздо хуже.

– Пока ничего страшного я не вижу...

Глория качала головой и уходила. Сидеть без дела в мансарде было скучно. Лаврова удивляло, что дама никуда не просится – ни на пляж, ни на прогулку. Она вела себя так, словно чего-то ждала, какого-то важного события, которое должно произойти.

Наконец Лавров увидел, как к соседям зашел мужчина лет тридцати, среднего роста, одетый в шорты защитного цвета, майку и бейсболку. Козырек скрывал от наблюдателя его лицо.

Лохматый пес радостно тявкнул и завилял хвостом, из чего Лавров сделал вывод, что незнакомец для него – свой.

«Контрабандист» потрепал собаку и зашагал к дому. Ему навстречу вышла хозяйка. Он протянул ей увесистый пакет. «Очевидно, с гостинцами», – сообразил Роман.

Гость о чем-то заговорил с Галиной Васильевной, обращаясь с ней по-свойски, как с давней знакомой или родственницей. Вот он повернулся...

Щелк! Щелк! По крайней мере, нижнюю часть его лица Лаврову удалось запечатлеть.

Неужели это бойфренд «бедной сироты»? Все может быть... Однако почему та его не встречает?

Приближалось время ужина. «Контрабандист» скрылся в доме, а хозяйка отправилась в летнюю кухню собирать еду для постояльцев. То бишь для Глории и Лаврова.

Увидев Галину Васильевну, выходящую на улицу с кастрюлей и судками, он быстро спустился в кухню-столовую. Глория уже сидела там, расставив приборы и потягивая холодную воду.

– Ну что, он пришел?

– Пришел, – кивнул Лавров, принимаясь мыть руки. – Хозяйка уже несет ужин. Кстати, как ты догадалась, что...

– Нам не хватало только Янко для полной картины, – улыбнулась она. – Ведь так?

– Теперь все в сборе.

– Надо быть начеку!

Лавров не успел спросить, что она имеет в виду, как послышались шаги Галины Васильевны, и он поспешил открыть ей дверь.

Большую часть кухни-столовой занимал круглый стол и плетеные стулья. Над столом висел разноцветный абажур. Очень уютно и по-домашнему.

Еда тоже была домашняя, свежая и отлично приготовленная.

– К вам гость приехал? – с полным ртом спросил Лавров.

– Какой там гость. Это мой племянник.

– Янко?

– Вы уже познакомились? – удивилась хозяйка. – Его зовут Ян. Он сын моей сестры.

Глория наступила Лаврову на ногу под столом, но тот не понял, чего она хочет.

– Ваш племянник случайно не рыбак? Я люблю порыбачить, только не захватил с собой снасти.

– У Яна все есть, – заверила его хозяйка. – Поговорить с ним? Только днем он обычно занят. Придется подождать, когда у него будет свободное время.

– Я видел у него в руках пакет, – не унимался Лавров. Он решил выяснить хоть что-нибудь про это странное семейство. – Он привез гостинцы для вашего мальчика?

Галина Васильевна замешкалась, собирая посуду. Блюде выпало из ее рук и разбилось. Она достала метлу, чтобы убрать осколки.

– Да-а... – протянула она, не глядя на постояльцев. – У меня живет ребенок Яна, потому что за ним некому больше присматривать. Мать бросила его, из-за увечья. Не отдавать же мальчика в интернат? Он слепой с рождения.

– Я видел, как он ходит вдоль берега. Вы не боитесь, что ребенок упадет с обрыва?

– Конечно, боюсь. Я стараюсь не выпускать его одного из дому, но не всегда могу уследить за ним. Гарик вырос у меня, он здесь знает каждую тропинку, каждый кустик. У слепых очень развиты слух, осязание и обоняние. Они ориентируются по-другому, не так, как мы.

– Он не любит солнечный свет?

– Гарик не видит света. Он предпочитает одиночество. Общается неохотно. Он почти постоянно сидит дома, слушает музыку или кассеты с записью сказок.

Хозяйка смела осколки на совок и отправила их в мусорное ведро. Поверх ситцевого платья на ней был надет передник, и она спрятала руки в карман, забыв о том, что ей пора складывать судки и уходить.

– А ночью мальчик разгуливает по улице? – спросил Лавров. – Я видел какую-то тень на заборе.

– На заборе? – ахнула женщина. – Он... лунатик ко всему прочему. Лунатика нельзя будить, иначе он может упасть и разбиться.

– Почему бы вам не запирает дверь перед сном?

– Я запираю.

– Как же ему удастся выйти?

– У нас нет кондиционеров, – растерянно объяснила хозяйка. – Жарко. Поэтому всю ночь окна открыты. Гарику ничего не стоит вылезти через окно. Раньше я стерегла его, но потом устала. Мне нужно спать, чтобы не свалиться с ног.

– Ян не живет с вами?

– Нет. У него квартира в центре станицы.

Глория сочла необходимым вмешаться.

– Мой приятель жутко боится за свою машину, – извиняющимся тоном сказала она. – Вы не волнуйтесь. Он просто хочет убедиться, что никто не угонит его новый джип.

При этом она преобильно надавила Лаврову на ногу.

– Ах, вот что! – с явным облегчением воскликнула Галина Васильевна. – Не стоит переживать. У нас тут спокойно.

Она схватила судки и поспешила покинуть гостевой дом.

– Чего ты пристал к человеку? – возмутилась Глория, когда хлопнула входная дверь.

– Я хочу знать, что происходит. Кто этот Ян? Чем он занимается? Почему они прячут мальчишку?

– Скорее всего, ребенок сам стесняется своего физического уродства и отсиживается дома. Что касается Яна...

Она запнулась и замолчала, допивая молоко. Прошла минута, вторая.

– Ты нарочно меня злишь? – не выдержал Лавров.

– На этом сходство нашей истории с лермонтовской «Таманью» заканчивается, – задумчиво вымолвила Глория. – И начинается совсем другой сюжет.

– Какой сюжет? На что ты намекаешь?

– На мертвое тело...

* * *

Москва

Виктор целыми днями сидел в зале и поджидал покупателя. Заглянет сегодня кто-нибудь в «Раритет», или время так и пройдет в тишине и скуке?

Раметов закрывался в подсобке и не подавал признаков жизни. Он умел быть бесшумным. Виктор подозревал, что хозяин магазина может становиться невидимым, если пожелает. Глупые мысли одолевали его по поводу Раметова. Такие глупые, что никому не признаешься...

Сначала Виктор пытался подслушать, чем занимается хозяин в подсобке. Он на цыпочках подкрадывался к двери в «святая святых» и, затаив дыхание, прикладывал ухо к щели. Из подсобки не доносилось ни звука. Казалось, распахни сейчас Виктор дверь, Раметова за ней не окажется. Руки сами тянулись к медной ручке в виде головы горгоны Медузы. Но каждый раз любопытный охранник ее отдергивал, дабы не поддаться искушению.

Разумеется, антикварный магазин – не Иерусалимский храм, и смешно полагать, что в подсобке хранится нечто наподобие «Заповедей» Моисея. Однако именно оттуда Раметов выносил коробки с таинственным содержимым. А солидные респектабельные клиенты, не глядя и не торгуясь, выкладывали свои денежки.

«Что это могло бы быть?» – ломал голову Виктор.

Однажды он осмелился прикоснуться к ручке и едва не вскрикнул от боли. *Проклятая Горгона укусила его?*

– Чушь! – пробормотал охранник, потряхивая пальцами.

Его воображение так разыгралось, что он наяву чувствовал придуманную боль. Рядом с Раметовым любой сбрендит.

Вдруг дверь в подсобку открылась столь стремительно и неожиданно, что Виктор не успел ни отпрянуть, ни прикинуться равнодушным. На пороге, закрывая собой проем в «святая святых», стоял Раметов. Не вынимая рук из карманов, он грозно уставился на ослушника.

– Я тебя предупреждал, – прохрипел хозяин магазина, и его рот дернулся.

От обуявшего его страха охранник попятился и не смог поднять глаз, чтобы хоть мельком заметить, что прячет в подсобке Раметов.

– Я... я...

– Будешь любопытничать – заикой станешь! – ухмыльнулся хозяин, ощерив верхние клыки.

Виктор не сомневался, что Раметов выполнит свою угрозу. Он онемел, не в силах слова вымолвить в свое оправдание.

– Смотри у меня!

Хозяин помахал перед его носом крючковатым пальцем с большим отполированным ногтем и сипло захохотал: «Хау-у! Хау-у! Хау-у!»

Виктора обуяла жуть. Он не помнил, ни как Раметов скрылся за чертовой дверью, ни как сам вернулся на свое место в углу торгового зала. Еще полчаса или больше его зубы выбивали мелкую дробь, а тело сотрясал озноб.

Почему Виктор не уволился после этого? – спросите вы. И обнажите корень проблемы.

Он не имел права бросить начатое. Он пришел за тайной Раметова и не мог уйти без нее.

Следующие дни протекали для него как в тумане. Хозяин магазина будто бы забыл о неприятном происшествии. А охранник делал вид, что ничего не было. Торговля шла вяло... но Раметова это не смущало. Он выглядел довольным и счастливым.

Сегодня Виктор заметно волновался. Раметов проводил покупателя с коробкой и повернулся в сторону охранника, смерил его настороженным взглядом.

– Что-то не так? – встрепнулся тот.

– Сиди! – гаркнул хозяин и взглядом пригвоздил Виктора к месту.

Он что-то почуял? Или просто не в духе? Видимо, получил меньше денег, чем рассчитывал.

– Сиди, – повторил Раметов и неторопливо скрылся в подсобке.

«Как можно проводить столько времени в закрытом помещении? – недоумевал Виктор. – Ведь там спертый воздух, нет окон и постоянно включено искусственное освещение».

Ему пришло в голову, что Раметов только прикидывается коммерсантом. А на самом деле он закрывается от всех, уединяется, чтобы... поиграть в компьютерные игры, например. Почему нет? Раметов – азартный игрок, это сразу видно. Но в чем заключается его игра?

Рискованную идею проследить за одним из покупателей и каким-то образом заглянуть в коробку с товаром Виктор отбросил. Слишком много «но». Остается только проникнуть в «святая святых» – без вариантов.

Сидя на старинном стуле, обтянутом гобеленовой тканью, охранник витал мыслями далеко отсюда. Блуждая взглядом по выставленным на продажу картинам, подсвечникам, часам и фарфоровым тарелкам XIX века, он предавался ностальгическим воспоминаниям юности. Неразделенная любовь – опасная штука. Это Виктор прочувствовал на себе. Отчасти душевные страдания послужили причиной его нынешнего положения. Отчасти – профессиональный интерес. Отчасти – присущее ему любопытство.

Должно быть, ему не хватало адреналина. Он не был альпинистом, гонщиком или боксером. Он не умел подвергать свою жизнь неоправданному риску, выдавая браваду за отвагу. Да и не считал нужным. Магазин Раметова показался ему легкой добычей. Он еще не понял, как сильно ошибался...

Удар, треск, звон осыпающегося стекла заставили его вскочить. Во внешней витрине образовалась дыра, от которой во все стороны расходились трещины. Пол торгового зала был усыпан стеклянными осколками.

– Нападение! – во всю силу крикнул охранник и кинулся на улицу.

Хулиганы показали ему две обтянутые спортивными майками спины. Секунда, и они свернули за угол соседнего дома. На тротуаре у разбитой витрины валялся молоток.

– Орудие преступления...

Из магазина пулей вылетел разъяренный Раметов, посылая вслед негодяям замысловатые проклятия. Виктор таких и не слышал.

– Ах, щенки! Ах, мерзавцы! Черти! Вандалы! – брызгая слюной, вопил хозяин, обращаясь уже не к ним, а почему-то к Виктору. – Чего рот разинул? Твоих рук дело?

Он схватил лежащий среди осколков молоток и замахнулся на охранника. Но не ударил.

– Вы ч-что? – попятился тот.

– А то! Витрину разбили, пока ты ушами хлопал! Болван! Тоже мне, охрана! Небось в штаны наделал? Беги, догоняй!

Он в сердцах сунул молоток охраннику в руки:

– Держи. Это вещественное доказательство. Где твой пистолет? Надо было стрелять!

– Я... не успел...

– Размазня! – сердито буркнул Раметов, остывая. – Кто это был? Ты их знаешь?

– Откуда? – с напускным удивлением протянул Виктор. – Подростки небось местные. Хулиганье!

Он опасался бурного приступа ярости у Раметова, однако обошлось малой кровью. Хозяин покричал и смирился со случившимся.

– Побегу полицию вызвать... – бросил молодой человек, скрываясь в магазине.

Пока Раметов на улице охал и размахивал руками, он кинулся в торговый зал, молясь, чтобы хозяин с переполоху забыл закрыть подсобку. Так и оказалось.

Дверь в «святая святых» приотворилась, и Виктор жадно пожирал глазами красные стены и стеллажи с разнокалиберными коробками...

Глава 9

Тамань

«Глория, наверное, седьмой сон видит, – думал Лавров, погружаясь в дремоту. – Эротический... Как она обходится без мужчины? Ведь с тех пор, как погиб ее муж, прошло больше года... Может, к ней по ночам является *виртуальный любовник*?»

Но Глории снились отнюдь не чувственные забавы. Она, опираясь на посох, брела по пустыне... изнывая от зноя и жажды. В полном одиночестве. Куда ни взглянешь – везде песчаные барханы и белое раскаленное небо. Сухой ветер обжигает губы и воспаленную кожу. В руках у нее – фонарь...

Зачем фонарь в пустыне, когда нестерпимое солнце слепит глаза?

– Это твой внутренний свет... – прошептал кто-то рядом с ней, под самым боком.

Глория повернулась и увидела карлика. Его башмаки увязали в песке, а длинные волосы развевались на ветру. Он был еще красивее, чем при жизни. И еще безобразнее. Его горб, казалось, увеличился в размерах, а ноги сильнее искривились. Но она была счастлива встретить Агафона в этой безжизненной желтой пустыне.

– Куда я иду? – спросила она.

– К себе...

Он изъяснялся философски, а ей требовалась ясность.

– Мне очень трудно! – пожаловалась Глория.

– Легко бывает только катиться вниз...

– А я что же, карабкаюсь вверх?

– Надеюсь, это так...

– Я тоже надеюсь, – неуверенно вымолвила она. – Но порой меня гложут сомнения.

Агафон захихикал, подпрыгивая и вздымая мелкий, словно мука, песок. Он не торопился утешать ее.

– Будь осторожна, – наконец изрек он, поднимая на Глорию прекрасные глаза Нарцисса. При таком божественном лице, вероятно, обидно иметь столь уродливое тело.

– Мне уже все равно, – ответил он на ее мысль. – Я же умер!

Невыносимая боль пронзила ее от этих жестоких слов.

– Я могла бы полюбить тебя... – вырвалось у Глории. – А ты ушел. Ты меня бросил. Мужчины всегда бросают!

– Женщины любят красивцев, а я...

Он не успел договорить. Порыв ветра с песком подхватил его и понес. Через мгновение Глории показалось, что карлик правит сияющей колесницей, запряженной тройкой золотых коней.

– Куда же ты? – отчаянно закричала она. – Возьми меня с собой!..

Агафон, не оборачиваясь, мчался по выцветшему от зноя небу, пока не слился с ним.

– А-аааа! А-аа! А-а-а-а-ааааа...

Глорию разбудил ее собственный крик? Или кричал кто-то другой?

Она села на кровати, прислушиваясь.

– А-ааа! А-а-а-ааааааа! – доносилось со двора. – А-а-ааа!

Она вскочила, метнулась к окну и распахнула створку. Забор белел в лунном свете, громко пели цикады. Кричали не во дворе – где-то дальше, за забором. Возможно, на обрыве...

– Рома! – позвала она.

Лавров тоже проснулся от крика. Он тоже выглянул в окно, но ничего не увидел. И тут услышал, как его зовет Глория.

- Что случилось? – спросил он, вбегая в ее спальню.
- Беда... – дрожащими губами вымолвила она. – Надо бежать...
- Куда?
- Это на обрыве!
- Может, мальчишка сорвался?
- Он лунатик. Лунатики не срываются, если их не разбудить.
- Вот именно, что «если»...

Лавров успел натянуть шорты, а Глория так и стояла в тонкой ночной рубашке. Горячая после сна, желанная.

– Накинь что-нибудь, – сказал он.

– Да-да... – Она машинально потянулась к платью, в котором ходила по дому. – Отвернись.

Лавров со вздохом подчинился.

Истошный крик, стихнув на минуту, возобновился. На улице послышался женский голос. Он звал мальчика: «Гарик!.. Гарик!..»

Лавров и Глория выскочили на улицу. Шлепанцы слетали с ног, мешая бежать. Она неслась к обрыву первая – он за ней.

– Здесь... – задышавшись, выпалила Глория, остановившись на краю кручи.

– Я ничего не вижу...

Над морем в желтом ореоле стояла громадная луна, затмевая собой звезды. Было светло, как днем. Пустынная дорога поблескивала вкраплениями кремния, деревья черными истуканами застыли вдоль заборов.

– Гарик!.. Гарик!.. – все звала женщина. Это была Галина Васильевна. Она торопливо направилась к постояльцам. – Я не могу найти Гарика. Его постель пуста...

Раздавшийся вновь крик убедил ее, что отдыхающие ни при чем.

– Где ваш племянник? – спросила Глория, беря хозяйку за руку. – Он дома?

– Не знаю... был дома...

– Надо спускаться, – сказал Лавров, глядя вниз, в черноту под обрывом. – Только как?

Тут запросто можно ноги переломать.

Хозяйка с безумными от страха глазами махнула рукой вправо.

– Там есть тропинка... Гарик привык бегать по ней к морю.

– Но кричат ближе, – возразил Лавров и позвал: – Эй! Кто-нибудь! Отзовитесь!

– А-а-ааа! – раздалось из-под обрыва. Это был крик смертельно напуганного ребенка, который перешел в тихое поскуливание. Видимо, мальчик выбился из сил и плакал.

– Идемте, – взволнованно сказала хозяйка, показывая в сторону тропинки. – Здесь мы не спустимся.

– Вы не волнуйтесь, – успокаивала Глория женщину. – Раз ребенок плачет, значит, он жив.

Бог знает, как им удалось спуститься по крутой, едва заметной в свете луны тропинке. Хозяйка осталась наверху. У нее было больное сердце, и она боялась приступа.

– Кабы шею не сломать... – ворчал Лавров, помогая Глории. – Тут камни торчат, если сорвешься, мало не покажется.

Почти внизу они заметили мальчика, который сидел, согнувшись, над телом взрослого человека, и всхлипывал. Было слышно, как с шумом набегают на полосу берега прибой. Луна обливала эту трагическую картину тусклым светом.

Лавров молча приблизился и наклонился над телом. Ребенок оставался в той же позе, продолжая плакать.

– У него шок, – объяснила Глория и прикоснулась к плечам слепого. Тот никак не отреагировал.

Лавров присел на корточки и приложил пальцы к шее лежащего ничком мужчины.

– Мертв, – сказал он, оборачиваясь.

Мальчик поднял лицо, и его бельма странно сверкнули. Лавров ощутил ползущий по спине холодок.

– Как ты здесь оказался? – спросил он у слепого.

Тот весь дрожал. Он был в одних трусиках, босой. Но дрожь, которая сотрясала его маленькое тельце, была нервного происхождения.

– Сейчас лучше оставить его в покое, – посоветовала Глория.

Лавров взял ребенка на руки и, осторожно шагая, понес его наверх по тропе.

– Подожди здесь, – бросил он Глории. – Я мигом. Отнесу его и вернусь. Ничего не трогай!

Она осталась наедине с мертвым мужчиной. Это был отец мальчика, Ян. Глория узнала его, хотя труп лежал лицом вниз. Лавров правильно сделал, что забрал испуганного ребенка. Гарику не надо слышать то, о чем они будут говорить.

Лунный свет придавал коже покойного белесый оттенок. Глория вспомнила, что она врач, и подавила охватившую ее оторопь. Не мешало бы выяснить, отчего умер этот молодой, сильный и здоровый человек. Впрочем, и так понятно. От удара головой о камень. Вот и кровь на затылке... Неудачно упал и получил перелом основания черепа.

В сознании Глории с яркостью молнии вспыхнул момент падения. Человек теряет равновесие... судорожно взмахивает руками и катится вниз. По роковому стечению обстоятельств на его пути попадает камень с острым краем. Удар... Тело еще пару раз перевернулось и замерло... теперь уже навсегда.

– Он вышел искать сына, увидел, как тот идет по краю обрыва, побежал следом и сорвался, – прозвучало у самого ее уха.

– Ты меня напугал! – вздрогнула Глория.

Лавров так быстро и бесшумно спустился, что она не успела этого заметить.

– Просто у тебя притупился слух. Ты слишком увлеклась.

– Чем? Мертвецом?

– Это Ян, – подтвердил ее вывод начальник охраны. – Нетрудно догадаться, верно? Шорты и майка, похоже, его.

– Вижу, ты освоился на обрыве. Не боялся упасть?

– Тропинка мне уже знакома. Я хоть и не лунатик, но кое-что умею.

– Отлично...

Судя по ее тону, она так не считала. Версия Лаврова шла вразрез с ее собственным представлением о случившемся. Все было не так.

– Я передал мальчика хозяйке, – доложил Лавров. – И вызвал полицию. Только боюсь, раньше утра нам их не дождаться. В сущности, им тут особо делать нечего. В смерти Яна никто не виноват.

– Ошибаешься.

– Ребенок не хотел, чтобы это произошло. Ужасно, что он послужил невольной причиной гибели отца, но...

– Слепой ни при чем! – горячо возразила Глория.

– В смысле?..

– Яна толкнули.

– Ты хочешь сказать, это убийство?

– Без всякого сомнения.

– Послушай... как убийца мог быть уверен, что мужик сломает себе шею?

– Он на это рассчитывал. А если нет... готовился добить несчастного. Однако этого не понадобилось. Кстати, Ян ударился головой о камень, а не повредил шейные позвонки.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри сам, – сказала Глория. – У него кровь на затылке. При более тщательном осмотре мой «диагноз» подтвердится. Спорим?

Начальник охраны отрицательно мотнул головой. Спорить с ней? Увольте. Ее недавнее предсказание сбылось с пугающей точностью.

– Мальчик каким-то образом наткнулся на труп, когда бродил в сомнамбулическом состоянии по тропе. Лунатизм – малоизученное явление. Слепой нашел мертвое тело, узнал отца, проснулся... в общем, он испытал сильнейшее потрясение. Вряд ли он сможет что-либо рассказать в ближайшее время. Ему нужно прийти в себя, успокоиться, тогда...

– Хватит! – не выдержал Лавров. – Я не верю своим ушам! Может, ты еще скажешь, кто столкнул Яна с обрыва?

Глория промолчала. Он бегло осмотрел тело, убедился в ее правоте по поводу раны, надул щеки и с шумом выдохнул.

– А где девушка, которая гостит у хозяйки? – спросил Роман...

Глава 10

Москва

Виктор потерял счет времени. Сколько он сидит взаперти? Выпустят ли его из этой темницы? Или он так и окончит здесь свои дни?

Затем под покровом ночи его окостеневшее тело положат в пластиковый мешок, вытащат на улицу, бросят в багажник машины и вывезут за город. Зароют в лесу, где труп никто никогда не найдет. И он пополнит список пропавших без вести.

Сколько таких «пропавших» объявляют в розыск! Теперь и он окажется в их числе.

От ужаса и безысходности Виктору хотелось плакать, но слезы будто высохли. Его дурацкая затея оказалась безрассудной и заранее обреченной на провал. Как он не понимал этого раньше? Как решился на такое? И главное – ради чего?

Горькое раскаяние сменялось столь же горьким отчаянием. Что он может предпринять для своего спасения? У него нет с собой ничего, даже мобильного. Он так увлекся собственной игрой, что забыл телефон в торговом зале.

Раметов строго запрещал пользоваться сотовым во время работы и заставлял отключать телефон. Он словно знал, как все произойдет. Виктор возомнил, что сможет обмануть хозяина. А Раметов переиграл его. Он оказался хитрее и умнее. Он наказал охранника за любопытство... и наказал жестоко.

Виктор сожалел о своей опрометчивости, но исправить ситуацию было невозможно.

«Черт! Как я мог проколоться? – сокрушался он. – Моя самонадеянность обернулась бедой. Я должен был бы догадаться, что Раметов опомнится и вернется, чтобы закрыть заветную дверь. Разбитая витрина – не столь серьезный урон, чтобы отбить у него соображение. Черт! Че-ее-е-ерт!!!»

Молодой человек стонал и каялся. Благо слышать его здесь было некому. Раметов запер его в подсобке и спокойно ушел домой. Стучать в стены? Они достаточно толстые, чтобы скрадывать звуки. Кричать? Виктор пробовал... сорвал себе голос от крика, а толку-то? Над магазином Раметова располагалась пустая квартира. Хозяева уехали на заработки, а жилье сдавать не захотели. Виктор узнавал, когда искал способ пробраться в подсобку. Мечтал обнаружить заделанный наспех строителями люк в потолке, какой однажды видел в кино про ограбление. Идиот! Думал, это все игрушки, приключение.

Раметов, как выяснилось, шуток не любит. Сам не шутит и другим не позволяет. Пока Виктор раскрыв рот загляделся на «святая святых», хозяин подкрался сзади и со всей силы толкнул его в спину. Он и влетел туда, куда стремился попасть. Хлоп! Дверь за ним закрылась, потом погас свет.

– Эй! – завопил охранник. – Эй! Вы что?! Выпустите меня!

В ответ – ни слова. Только бульдожий смех Раметова: «Хау-уу! Хау-у! Хау-у-у!» То ли лает, то ли воет, будто к покойнику. Виктор даже догадывался, кто будет этим покойником. Уж никак не хозяин «Раритета».

– Выпустите-ее-ее!.. – вопил Виктор. – Вы не имеете права! Вы...

Он сначала грозил Раметову, потом умолял его... пока не понял, что обращается к пустоте. Хозяин давным-давно укатил на своем «бумере», а он только зря тратит силы и время. Лучше бы думал, как выбраться из ловушки, куда он угодил по собственной глупости.

Охраннику было обидно до зубовного скрежета. Его план не сработал. Мало того – Виктор сам стал жертвой. А ведь пацаны, которым он заплатил, сделали все, как договаривались. Налетели, разбили витрину, бросили молоток и убежали. Ищи-свищи.

«На что я рассчитывал? – грыз себя узник подсобки. – На то, что Раметов придет в бешенство и бросится догонять хулиганов? Именно это меня и подвело... О господи! Что же теперь будет? Раметов убьет меня. Он просто-напросто закроет свой магазин и отправится в кругосветное путешествие! А когда вернется, ему останется мелочь: избавиться от трупа».

Подобные мысли не придавали ему бодрости. Он не видел выхода из создавшегося положения. Он вообще ничегошеньки не видел. Темнота в этой замкнутой комнате была крошечная. Глаза к ней так и не привыкли. Зажечь лампу Виктор не мог – Раметов, видимо, отключил освещение на щитке. Нарочно, чтобы узник сходил с ума от страха. И не сумел найти инструмента для взлома двери.

Виктор на ощупь отыскал дверной замок, долго дергал за ручку, но все его попытки вырваться из темницы были тщетны. О, как, вероятно, потешался над ним Раметов! Как злорадовал!

Устав от бесплодных терзаний, молодой человек упал духом. Он сел на пол, прислонился спиной к стене и попробовал забыться сном. Но внутреннее возбуждение не давало ему расслабиться. Сон бежал от него, а нервы напряглись, как натянутые струны. Из каждого угла жуткой комнаты на пленника смотрела смерть... каждый шорох напоминал о ее присутствии. Она затаилась, подстерегая свою добычу. Виктор, казалось, слышал ее леденящее дыхание...

Перед ним против воли назойливо развевалась одна и та же картина: красные, словно залитые кровью, стены, деревянные стеллажи с бесчисленными коробками и большой темный ларь. Кажется, слева от двери, как раз напротив ларя, находился стол, за которым Раметов делал свои подсчеты. Впрочем, он наверняка притворялся, что ведет хоть какую-то бухгалтерию. Его торговля была подпольной, а деньги шли к нему «черным налом». Но что он продает, черт побери?!

Виктор заставил себя подняться и вслепую, протянув вперед руки, добрался до стола. От волнения или по какой-то другой причине его ориентация в пространстве нарушилась. Он наткнулся на стеллажи, чуть не упал, споткнувшись о ларь... но в конце концов нашел стол и принялся осторожно выдвигать ящики. Внутри лежали бумаги, назначение которых в темноте определить было невозможно. Ничего режущего или колющего, ничего, похожего на отвертку или молоток. На столешнице Виктор нащупал письменный прибор, подставку для ручек и карандашей и лампу. Его огорчило отсутствие тяжелых предметов – бронзового подсвечника или на худой конец мраморной пепельницы.

Раметов вел свой бизнес дедовским способом. По крайней мере, ни в торговом зале, ни в подсобке компьютера не было. Разве что хозяин «Раритета» держал его дома.

Тем же образом Виктор решился ощупать ларь. Большой деревянный ящик оказался закрытым на висячий замок. Сбить замок было нечем, и узник оставил эту идею.

Он вернулся на свое место, опустился на пол и прислонился к стене. Его затылок ощущал твердость и прохладу, и это помогало терпеть головную боль. Он только сейчас заметил, как раскалывается череп.

Виктор смежил тяжелые веки, хотя это было лишним – его обступал одинаковый мрак, что с открытыми глазами, что с закрытыми. Вязкая дремота постепенно овладела им, и он погрузился в тревожное забытие. Чернота, в которой должны закончиться его дни, неожиданно подбросила пленнику спасительную мысль. Вдруг внутри ларя Раметов хранит противопожарные средства? Огнетушитель, к примеру? Или короткую лопатку?

Охранник мигом проснулся, поднялся на ноги, стряхнул с себя остатки дремоты и с вытянутыми вперед руками, не чуя под собой пола, направился к ларю. Снял с ноги туфлю и силой начал бить каблуком по замку. Дужка, вероятно, проржавела, потому что быстро переломилась, и Виктор сумел приподнять увесистую крышку ящика. Оттуда пахло затхлостью и раздалось тихое шипение, словно сдувался резиновый шар.

Не придав значения сему странному звуку, Виктор наклонился и пошарил рукой внутри ларя. Что-то скользкое обвило его кисть и поползло вверх, к локтю. Он дернулся, но ларь не желал отпускать его. Внезапно Виктора пронзила страшная догадка: на дне ларя кишат змеи, и одна из них ползет по его руке...

То, что Раметов держал в ларе ядовитых змей, не вызывало сомнений. Вероятно, эти мерзкие твари охраняли его сокровища от чужих посягательств. Понятно, почему ему не нужна сигнализация. И почему он запрещал охраннику приближаться к подсобке. Во имя его же благополучия.

Вне себя от ужаса, Виктор пытался вытащить руку из ларя. Невидимые во тьме рептилии ополчились на него за непрошеное вторжение. Они шипели, свивались клубами и тянулись к нему. Он кричал не своим голосом, но змеи не отступали. Наконец он рванулся, разбрасывая в стороны ядовитых гадов, и крышка ларя захлопнулась с оглушительным грохотом. Ба-бах!

Теперь змеи расползлись по всей подсобке, и не осталось ни одного места, где узник мог бы чувствовать себя в безопасности. Он метался, боясь наступить на смертоносную тварь и проклиная собственное любопытство.

Что-то огромное наклонилось над ним и с грозным шипением потребовало:

– Посмотри на меня!

Это была жуткая горгона Медуза, от взгляда которой все живое превращалось в камень. Виктор в детстве видел мультфильм про Медузу и вспомнил, что она способна разорвать человека своими медными когтями и выпить его горячую кровь. Чудовище протянуло к нему руку и... похлопало его по щеке. Он дернулся, открыл глаза...

В лицо ударил свет. Это были горящие яростью очи Медузы. Один взгляд, и он погиб. Предсмертная истома разлилась по его жилам.

– Аааааа! – содрогнулся в агонии Виктор и оторопел. Горгона была как две капли воды похожа на... Раметова.

– Чего орешь? – спросила она. – Кошмар приснился?

– Где я? – задрожал Виктор. – Что со мной?

– Умом тронулся, – с кривой усмешкой сообщил Раметов. – Ну как, будешь еще совать нос куда не следует?

* * *

Виктор оправдывался, хозяин молча слушал. Его колючий взгляд не предвещал ничего доброго.

– Врешь ты все, – сухо подытожил он, когда охранник закончил. – Врешь!

– Я не вру... я...

Виктор захлебывался словами, заикался от присутствия Раметова, который, казалось, был способен на любую мерзость. Теперь у него даже есть повод наказать предателя. Хозяин сурово сдвинул кустистые брови.

– Я тебя предупреждал?

– Д-да... но...

При свете дневной лампы обстановка подсобки выглядела убого и поражала обыденностью. Стены были оклеены красными обоями, на стеллажах теснились картонные коробки, которых полно в любом магазине, где упаковывают приобретенный товар. Только вот самого товара Виктор не видел.

Правда, Раметова сие обстоятельство несколько не смущало. Зато он обратил внимание на странный предмет в руке охранника и издевательски ухмыльнулся.

– Что это? – спросил он, указывая на предмет пальцем с длинным загнутым ногтем.

Виктор заметил, что судорожно сжимает мужскую летнюю туфлю в дырочках. Он опустил глаза и увидел свою левую ногу в одном тонком белом носке. Это его собственная туфля! Боже... что здесь происходило ночью, пока он спал?

Он смутно помнил какой-то ларь с навесным замком и... ужасное содержимое ларя. Но в подсобке никакого ларя не было. Виктор бросил туфлю и нервно заерзал, пытаясь подняться с пола. В спину что-то больно уперлось. Он повернулся...

Ну конечно! Он же сидит спиной к ларю! Едва осознав это, молодой человек в панике вскочил и метнулся в сторону. Откуда только прыть взялась.

– Хау-уу... хау-ууу... хау-у... – засмеялся Раметов. – Чего скачешь, стрекозел?

– Я... вы... вы... не имеете права...

– Чего-о?

– Не имеете права... травить человека... змеями...

Лицо Раметова приняло забавное бульдожье выражение.

– Какими змеями, милоч? – От недоумения его щеки вздрагивали, как у большого пса. – Ты, чай, совсем рехнулся?

– Я-то в своем уме... это вы...

Виктор уставился на темный от времени деревянный ящик и осекся. Замок висел цел и невредим. Ржавый, допотопный, однако не поврежденный, в полной сохранности.

– Ну что? Убедился? – хохотнул Раметов.

Охранник так и стоял в одной туфле, зачарованно вперившись в громоздкий антикварный ларь.

– Семнадцатый век, – похвастался хозяин магазина. – Это мой любимый сундук. Видишь, крышка на петлях? И окован искусно. Жалко продавать.

– И ч-что вы там... храните?

– Тебе какое дело? Ты зачем сюда полез, паршивец? А? Признавайся!

– Я... не лез. Вы сами меня толкнули... а потом закрыли...

– Любопытен ты больно, – насупился Раметов. – А нервишки слабые. Не боишься, что *баиню* снесет?

– Б-боюсь... – честно, как на духу, ответил Виктор.

– Тогда колись, мил человек! Кто тебя прислал?

Смесь изящной словесности и современного жаргона придавала речи Раметова неповторимое зловещее очарование. Но охраннику было не до того. Он стоял перед выбором: раскрыть карты или... вызвать справедливый гнев хозяина «Раритета». Кто знает, что может взбесить ему в голову?

– Никто меня не посылал. Я сам...

– Сам с усами? – осклабился Раметов. – А я тебе усы возьму да и выщиплю!

– Я вам ничего не сделал! – защищался Виктор, который постепенно приходил в себя после ночных ужасов. – Никакого вреда не нанес!

– Значит, витрина не в счет? У меня другое мнение, милоч.

– Витрину разбили хулиганы...

– По твоей просьбе? – невинно осведомился Раметов. – Даром или за деньги?

Виктор не осмелился лгать и промолчал, бросая на хозяина угрюмые взгляды.

– То-то! – обрадовался Раметов своей проницательности. – Мне твоя исповедь без надобности, паршивец. Я не поп. А ты грешник! Если и дальше пойдешь кривой дорожкой – не сносить тебе головы!

Хорошо, хоть «геенной огненной» страшать не стал. И на том спасибо.

– Я перед вами ни в чем не виноват, – пробормотал парень, надевая туфлю. Он перепутал сон с явью и чувствовал, что ночные страхи все еще довлеют над ним.

– Коли не виноват, так я перед тобой в долгу-с, – серьезно заявил Раметов. – Стало быть, обязан удовлетворить твое любопытство.

Виктор мог бы побиться об заклад, что хозяин не поверил ему. Он прикидывается. Охранник – пешка в его крючковатых пальцах. А хватка у Раметова мертвая, как у бойцовского пса.

– Я компенсации не требую...

– Хау-ууу! Хауу! – расхохотался хозяин. – Ой... насмешил, голубь! Распотешил!

Охранник обиженно сопел, с опаской поглядывая по сторонам. Не затаилась ли где-нибудь под столом ядовитая гадюка. Из них с Раметовым – кто-то один точно ненормальный. И это – хозяин магазина. С него станется развести змей в сундуке и продавать посетителям.

«Не зря же мне приснились гадюки и кобры? – подумал Виктор, к которому вернулась способность рассуждать. – У богатых – свои причуды. В старину змей, скорпионов и пауков использовали для охраны сокровищ. Чем плохо? Надежно, и денег платить не надо».

– Ты ведь хотел сундук открыть? – ехидно допытывался Раметов. – Хотел?

– Ну...

– Отступают только слабаки, милок. Ты ведь не из их числа?

– Н-нет... – против воли выдавил Виктор.

Черные зрачки хозяина гипнотизировали его, заставляли подчиняться.

– Тогда гляди! – Раметов жестом фокусника достал из брючного кармана ключ и помахал им в воздухе. – Ву-а-ля! Открываем ящик Пандоры?³

Охранник пытался возразить, но хозяин его не слушал...

³ Ящик Пандоры – источник бедствий. По легенде Пандора из любопытства открыла ящик, в котором были заперты все человеческие несчастья, и выпустила их наружу.

Глава 11

Тамань

Когда труп «контрабандиста» увезли, а слепой мальчик уснул, Галина Васильевна дала волю слезам.

– Как же он так? – рыдала она, ища утешения у постояльцев. – Бедный Ян...

– Оступился в темноте, – объяснил Лавров. – Бывает. Роковое стечение обстоятельств.

Глория не поделилась своими подозрениями ни с кем, кроме него. Если погибшего кто-то толкнул, этого не докажешь. А без доказательств лучше помалкивать. Полицейские квалифицировали смерть Яна как несчастный случай. Его тетка не возражала. Ни у кого не вызвало сомнений, что мужчина отправился искать сына, перенервничал, не смотрел под ноги и сорвался вниз. На беду, ударился головой о камень, да так сильно, что получил травму, несовместимую с жизнью.

– Ян ведь не первый раз вдоль обрыва ходит, знает здесь каждый камешек, каждый бугорок, – причитала тетка. – Что я сестре скажу? Он же один у нее... был. Кормилец! Моя Ритка непутевая забыла о матери, только Ян о нас обеих и заботился, помогал чем мог. Как мы теперь без него? А мальчонку-то, мальчонку на кого бросил?

– Галина Васильевна, – обратилась к ней Глория. – Вы не слышали, как Гарик вышел из дому?

– Нет. Я устаю за день, сплю крепко. Потому и предупредила Яна, чтобы следил за мальцом. Луна-то нынче вон какая! Я им постелила рядышком, в одной комнате. Видно, он проснулся, заметил, что Гарика нету, и побежал за ним.

– Ян часто ночевал у вас?

– Редко. Обычно он заявится, сыну гостинцев принесет, продуктов закупит, подсобит по хозяйству, что требуется, и домой. Оставался, когда задерживался допоздна.

– Что его задержало на этот раз?

– Не знаю, – всхлипывала хозяйка. – Работы по дому вроде никакой не было... но племянш не спешил. Чаю попили, потом он с Гариком возился... читал ему книжку, рассказывал что-то. Потом спать легли. Ой, кажись, напутала я! – всплеснула она руками. – Ян жиличку мою провожал до такси. Вещи ей поднес. Он вежливый был... воспитанный...

– Значит, ваша гостя этим вечером уехала?

– Вроде не собиралась, а потом вдруг решила ехать. Я ей говорю – Таля, погоди хоть до утра! А она уперлась – поеду, и все тут.

– Она попросила, чтобы Ян ее проводил?

Галина Васильевна покачала головой:

– По-моему, нет... он сам вызвался. Сумка у нее была тяжелая. Ну, Таля не возражала. Кто ж от дармового носильщика откажется? Она хрупкая, ручонки тонкие... куда ей тяжести таскать? Ян проводил ее и вернулся. Потом мы чай сели пить. Уже совсем стемнело.

Глория вопросительно уставилась на Лаврова. Тот сделал отрицательный жест. Он не видел, как Ян и девушка выходили из дому. Вероятно, прозевал. Или задремал некстати.

– Вы адрес этой Тали знаете? – спросил он хозяйку.

– Откуда?

– Вы же говорили, она дружила с вашей дочерью.

– Дружила. Когда моя Ритка в Москву поступать ездила, там и познакомились. Случайно. Ритка экзамены провалила, но не шибко расстроилась. Погуляла по столице, деньги растратила. Приехали сюда вдвоем с новой подружкой, загорали, купались... на дискотеку ходили.

– Кто такая Таля? Как ее фамилия? Вы ее документы видели?

– Зачем мне документы? – удивилась хозяйка. – Дочка ее привезла. Я у отдыхающих тоже документы не спрашиваю. Вот и ваших паспортов не видела, фамилий не знаю. У меня все на доверии построено.

– Дочка вам ничего про подружку не рассказывала?

– Мы с Риткой не очень-то ладили, – призналась Галина Васильевна. – Она со мной не откровенничала. Буркнет пару слов, и на том спасибо. Таля тоже о себе ничего не говорила. Обмолвилась как-то, что сирота. Я ее пожалела, от души. С тех пор много воды утекло. Доча моя замуж выскочила, в Казань укатила, а Талю я больше не видела. До этого лета.

– Она хоть предупредила вас, что приедет на отдых?

– Какое там!.. Свалилась как снег на голову. Хорошо, что у меня комната свободная есть, гостевая. На такой случай. Я Талю и приняла. Сироту обидеть – не по-божески. Я ее только увидела – сразу признала. Она мало изменилась.

Галина Васильевна то и дело промокала щеки платком. Она напилась сердечных таблеток, но от успокоительного отказалась: «Я от них сонной мухой делаюсь, а у меня хлопот полон рот. К сестре сбегать надо, к похоронам готовиться. Я ей пока звонить не стану. Пусть поспит до утра. А уж на рассвете сообщу о смерти сына...»

Они втроем сидели в беседке, увитой виноградом. С моря дул ветер. Светало. На улице по-деревенски кукарекали петухи.

Лаврову эти долгие расспросы про подругу Риты казались пустой тратой времени. Он устал и хотел спать. Какая разница, кто такая эта Таля? Ведь к смерти Яна она отношения не имеет. Девушка уехала, Ян вернулся домой. К чему эти выяснения?

– Скажите, а Ян раньше был знаком с Талей?

– Нет. Когда они с Риткой приезжали, его здесь не было. Он тогда на грузовое судно устроился, механиком, деньги зарабатывал. Катер хотел купить. Чтобы собственное суденышко иметь.

– Купил?

– А как же! Он если что задумал – в лепешку расшибется, но сделает...

Галина Васильевна вспомнила о нелепой гибели племянника, и слезы градом покатались из ее глаз.

– Чем Ян занимался?

– Когда вернулся из плавания, решил на себя работать, – выдавила она, прижимая к лицу платок. – Вот... наработался...

– Коттедж, который вы сдаете, он вам помог построить?

– Он, – кивнула хозяйка. – Мальца слепого поднимать надо, учить на дому специальной грамоте, профессию дать. Как он жить-то будет? На какие шиши? Сестра моя – мать Яна – долго не протянет. У нее тяжелая болезнь, едва себя обиходит. Поэтому за мальчиком присматриваю я. Ой, что же теперь буде-е-ет? – запричитала она. – Что буде-е-ет? За что нам такое горе-е-е-е?

– У вашего племянника свой бизнес? – осведомился Лавров.

– Был...

– Какой?

– Точно не знаю. Ян перевозил какие-то грузы, какой-то товар. Он мне не отчитывался. Господи! Что же я теперь Гарику скажу-у-у?

– Этим вечером Яну кто-нибудь звонил? – спросила Глория.

– Ему часто звонили. Я не обращала внимания...

– Не помните, во сколько он лег?

– Я уснула раньше всех. Легла и будто провалилась. Ничего не слышала, ни как Гарик в окно выскочил, ни как Ян за ним побежал... ничего.

– Мы можем поговорить с мальчиком?

– Он будет спать еще несколько часов, – объяснила Глория. – Ему сделали укол. А когда проснется, лучше его не трогать. По крайней мере, сутки.

– Для Гарика это ужасное потрясение... – плакала хозяйка. – Лунатиков нельзя будить, а он проснулся. Наверное, услышал крик Яна... а потом еще нашел его тело. У него невероятный слух! И поразительное чутье! Как вы думаете, он понял, что Ян – мертв?

– Полагаю, да, – ответила Глория. – У таких людей чрезвычайно развита интуиция.

Галина Васильевна уже знала, что ее постоялица – врач, и возлагала на нее серьезные надежды. Когда Гарик очнется, рядом с ним должен быть сведущий человек, который знает, как помочь ребенку в подобной ситуации.

– Спасибо вам за все, – поблагодарила хозяйка. – Сама бы я не справилась. Я так растерялась... а тут еще сердце прихватило.

– Давайте я вам давление померяю, – предложила Глория.

– Не надо. Пока вы с участковым разговаривали, мне докторша «скорой» измерила, укол сделала. Потом я таблеток наглоталась. Обойдется. Вы ложитесь, поспите... я вам в гостевой комнате постелю. Вдруг Гарик проснется, а я не буду знать, что делать. С вами спокойнее.

Глория хотела отказаться, но, услышав про гостевую комнату, передумала. Когда хозяйка удалилась готовить постель, она шепотом велела Лаврову идти домой и тоже лечь.

– Ну уж нет! – решительно воспротивился он. – Я тебя одну не оставлю в этом змеином логове!

– Тише...

– Ты спи, а я посижу здесь во дворе, подышу... полюбуюсь на звезды.

– Ладно, – не стала спорить она. – Сиди. Заодно придумай, как нам познакомиться с хозяином яхты «Ассоль».

– Это еще зачем?

– Боюсь, смерть Яна – не последняя.

– При чем тут яхта и ее хозяин?

– Пока не могу сказать...

– Слушай, ты уверена, что Яна столкнули с обрыва? Уж больно все походит на несчастный случай. У полицейских не возникло сомнений на сей счет.

– И у меня нет сомнений: Яна убили. Кто-то вызвал его на улицу и столкнул с обрыва. Кто-то, кого он знал и не опасался. Гарик отправился в свое лунное путешествие и набрел на тело отца. Его привело туда шестое чувство, присущее слепому.

– Значит, все было наоборот? Сначала из дому вышел Ян, и только потом – мальчишка?

– Я вижу именно такую последовательность, – твердо заявила Глория.

– Может, скажешь, кто убийца?

Она огорченно покачала головой. Если бы!

– Я вижу силуэт... и ничего больше. Все происходило в темноте.

– А луна?

– Лунный свет только сбивает с толку, – развела руками Глория.

– Ты подозреваешь съехавшую гостью?

Поскольку Глория молчала, он сам развил свою мысль. В принципе, девушке ничто не мешало вернуться, вызвать Яна и...

– Но зачем ей это? – воскликнул Лавров. – Бог мой! Вот так плата за гостеприимство! Надо немедленно связаться с дочерью хозяйки и выяснить, кто такая эта загадочная Таля. И где ее искать. Однако предупреждаю – доказать мы ничего не сможем.

– Зачем же тогда искать?

– Резонно, – кивнул он. – Бессмысленная затея. Только испортим себе отдых. Вообще, что тебе за дело до этого Яна, до всей этой дикой семейки? Один малец чего стоит. Как вспомню его бельма, аж мороз по коже!..

Лохматая дворняга во дворе звенела цепью – ей не спалось. Она бродила туда, сюда, потом села, задрала морду к небу и протяжно, тоскливо завывала. У-у-уууу! У-у-ууууу!

– Цыц, ты! – прикрикнул на пса Лавров. – Без тебя тошно!

– На нее луна действует.

– А я думал, она покойника чует. Хоть труп увезли, собаку не обманешь. По-моему, тебе не стоит оставаться в этом доме...

* * *

Ордынцев с замиранием сердца ожидал вердикта эксперта по древностям. Он не утерпел, вызвал катер, чтобы тот доставил на берег его, ценную находку и, разумеется, Руслану. Уставшие дайверы завалились спать в своей каюте, а яхта осталась под присмотром рулевого-кока.

– Одно могу сказать вам точно, – заговорил эксперт. – Эта ваза провела в морской воде не больше нескольких суток.

– Да вы что! – расстроился Максим Сергеевич. – Не может такого быть... На вид я дал бы ей два-три столетия.

– В этом вы правы. Предварительно я датирую ее... восемнадцатым веком. В крайнем случае... конец семнадцатого.

Руслана нетерпеливо ерзала в глубоком кресле.

– Значит, она не римская? – подала голос блондинка.

– Нет. К Риму сие изделие отношения не имеет, смею вас уверить. Разве что тематикой изображения. Как раз восемнадцатый век славится античными и древнеримскими мотивами в живописи, скульптуре и предметах интерьера. Этаким постскрипту эпохи Возрождения.

– А где ее изготовили?

– Пожалуй, в Италии...

– Значит, римская! – ввернула Руслана. – Я же говорила!

Эксперт смерил ее снисходительным взглядом и вздохнул. Что с нее возьмешь? Красивая женщина, да еще блондинка. Ей мозги иметь не обязательно. У нее другие достоинства.

– Сколько такая ваза может стоить? – полюбопытствовал Ордынцев.

– Она из серебра, так что независимо от художественной ценности стоит немало. Плюс возраст, конечно. Ее можно выставить на аукцион, если желаете, – предложил эксперт. – Я посодействую и комиссионные возьму ничтожные.

Он был пенсионером – лысоватым и обрюзгшим, с землистым цветом лица, – но, судя по обстановке дома, в средствах не нуждался.

– Я не хочу продавать вазу, – заявил Ордынцев. – Просто интересуюсь.

– Понятно... Вы коллекционер?

– Начинаящий, – соврал бизнесмен. Впрочем, эта ложь вполне могла стать правдой. – Раньше я был равнодушен к старине, но друзья заразили меня поисками сокровищ, древними артефактами.

– Какие у нас в Таманском заливе сокровища? – усмехнулся эксперт. – Глиняные черепки и обломки мрамора?

– А Фанагория? Об этом городе писал Страбон!⁴ Часть города затоплена, и на дне можно найти...

– Не слушайте вы всяких фантазеров, – с усмешкой перебил эксперт. – Что такое Фанагория? Греческий полис. Это вам не затонувший Порт-Ройял, напичканный пиратской добычей! Если вам некуда девать деньги, займитесь лучше Змеиным островом⁵. Приходилось слышать?

⁴ Страбон (64 или 63 г. до н. э. – после 21 г. н. э.) – крупнейший античный географ.

⁵ Остров Змеиный – небольшой клочок суши, находится в западной части Черного моря, неподалеку от устья Дуная.

– Не-ет...

– Древние греки считали, что на этом острове находится вход в преисподнюю. Иначе говоря, в царство мертвых.

– Вы серьезно? – оживилась Руслана. В ней проснулся азарт журналистки, охотницы за сенсациями. Однако эксперт охладил ее пыл.

– Насчет преисподней сомневаюсь, а вот знаменитый храм Ахилла был расположен именно на Змеином.

– Там водится много змей?

Эксперт на это только пожал плечами.

– Должно быть, когда-то они охраняли преддверие ада, – пошутил Ордынцев.

Гораздо больше Змеиного острова его волновала найденная на морском дне ваза, обладателем которой он стал.

– Зря вы так, – покачал головой эксперт. – Существует гипотеза о наличии на острове карстовых пещер. Их пытаются найти как на суше, так и под водой. В пещерах жрецы храма могли прятать от пиратских набегов предметы культа и прочие драгоценности. Главной святыней острова был щит Ахилла, героя Троянской войны. По легенде, его выковал сам Гефест.

– Бог огня и кузнечного дела? – игриво осведомилась блондинка.

Ее эрудиция не произвела впечатления на эксперта. Он терпеть не мог женщин легкого поведения. А блондинка была явно из их числа. Небось без зазрения совести крутит любовь с этим толстосумом.

– Щит Ахилла мечтал найти еще Генрих Шлиман, который раскопал Трою, – добавил он. – Тот, кто отыщет эту вещь, войдет в историю.

– Я не претендую на лавры Шлимана, – сказал Ордынцев. – Мне бы с вазой разобраться. Я приехал за консультацией.

– Да-да... я помню, – кивнул эксперт, продолжая изучать вазу. – Занятная штука. Две нимфы, играющие в кости. Где-то мне встречалось нечто похожее... Дай бог памяти!

Он оторвался от вазы, поправил очки и поднял на гостя глаза с набрякшими веками. Повторил:

– Дай бог памяти...

Но Всевышний, очевидно, не внял его просьбе. Потому что эксперт так ничего и не вспомнил. Зато Ордынцев спохватился и достал из кармана глиняную табличку с нацарапанной надписью.

– Вот, – заявил он, протягивая табличку эксперту. – Это было внутри вазы. Буквы, кажется, латинские, но я в латыни мало смыслю...

Глава 12

– Ваш заказ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.